

Лидия СМІРНОВА

Жизнь прекрасна
Жизнь грустна

ЛИДИЯ
СМИРНОВА

Жизнь прекрасна
Жизнь грустна

179251

 $n-11$

2010

Комсомольск н/А
МУК ГЦБ
Хабаровский край

УДК 882 - 1

ББК ДВ 84 (2 Рос = Рус) 6

С 50

Редактор: И. Устюжанина

Технический редактор: И. Кормин

Дизайн обложки: автор

Фото автора: В.П. Смирнов

Иллюстрации художника Е. Черданцевой

Сборник

© Л. Смирнова, 2010

© Е. Черданцева, 2010

Трудно ли быть счастливой

...**О**на почти проснулась и, не двигаясь, лежала с закрытыми глазами. Чувствовала, что уже утро, светает, ощущала время, но не давала себе проснуться окончательно. Было удобно и уютно вот так лежать в тепле постели и мужчины, который спал рядом. Он, одной рукой обнимая ее за шею, невольно прижимал к своей груди.

В квартире было тихо. С приглушенным, сквозь закрытые окна, звуком до нее доносилась жизнь улицы: движение машин, автобусов, поскрипывание сухого снега под ногами, спешащих на работу и по своим делам, людей.

Накатывались и снова уплывали мысли, еще не ясные, нечетких форм воспоминания об увиденном или прочитанном, расплывчатые лица в легком беззаботном полусонном облачке.

Облачко... Может быть, розового цвета... светло-зеленого... голубого... еще светлее...

воздушно-белого... Ей приятно было наблюдать эти перемены, слегка «опуская глаза». Затем её взгляд как будто заскользил назад - снизу вверх, перебирая нежные цвета красок с их неуловимыми переходами. Они напомнили увиденные однажды на выставке голландские акварели, как бы размытые весенним дождем волшебные пейзажи.

Взгляд, кажется, делал путь все выше и выше: пастельные тона менялись, постепенно приобретая глубину. С удивлением женщина наблюдала за этими цветовыми превращениями, как за сказочным видением, перемещающимся в пространстве перед ней и неожиданно, но неуклонно темнея.

Да, вот оно уже значительно посерело, затем, медленно сгущаясь, неотвратно превращаясь в черное... в густо-черное. Дальше ничего не просматривалось, будто кончался кадр.

Она еще не успела понять эти перемены, как вдруг черная краска ожила, стала почему-то вязко-жидкой и слегка потекла, образуя короткие дорожки, как бы имея под собой основу, плоскость. И тут женщина обнаружила, окинув взглядом все воздушное разноцветье, что за ним кроется твердая стена. Сложенная из одинаково узких, неплотно подогнанных друг к другу дощечек,

она создавала, кажется, бесконечную преграду.

Взгляд женщины заскользил по этому сооружению, пытаясь отыскать его края, но они, словно, терялись в пространстве. Да, их попросту не было.

«Разве такое возможно? - подумала она, все больше беспокоясь и пытаясь осмыслить увиденное. - Ведь я же не сплю как будто, а это кажется таким сказочным и вполне реальным одновременно».

Эти мысли и тревожные ощущения окончательно разбудили.

Поднявшись и занимаясь потом различными делами, она никак не могла забыть своего видения, свой полусон-полуявь. Все раздумывала, что бы это могло означать.

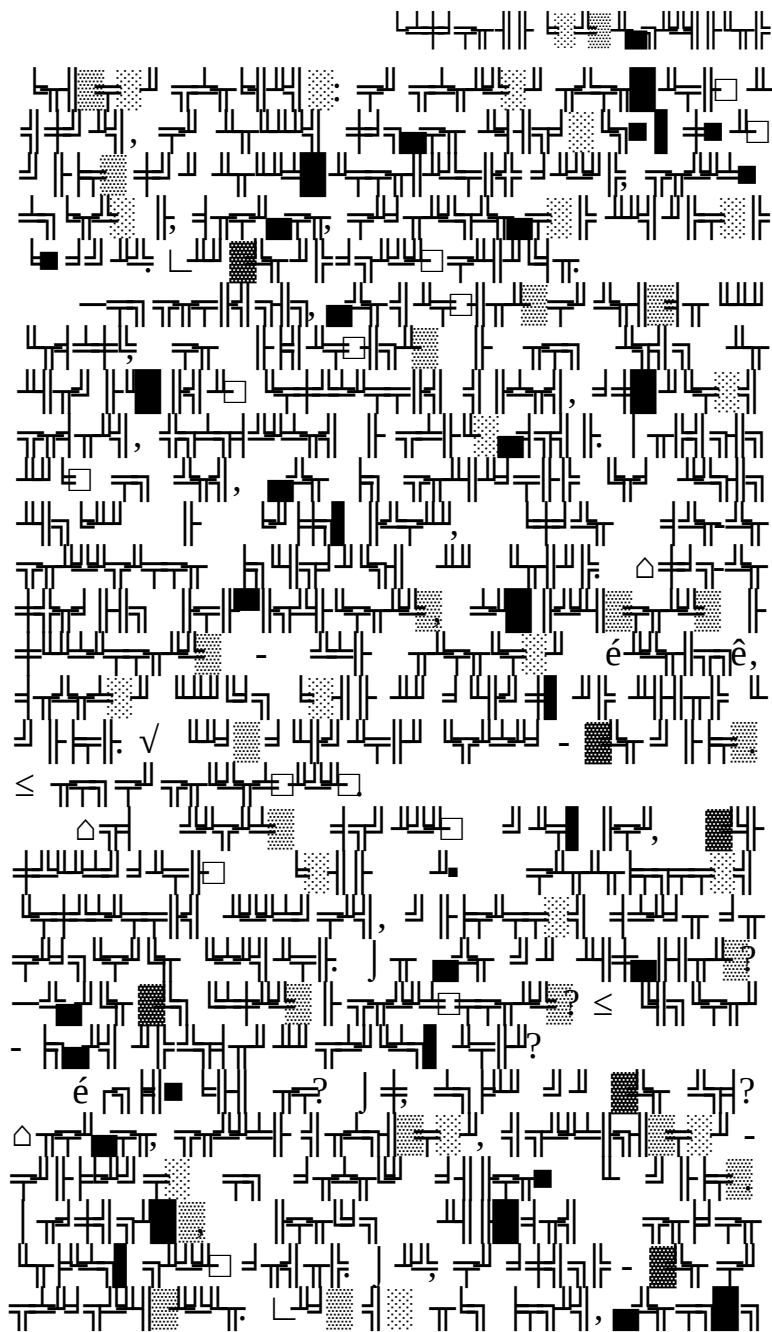
Женщина будто продолжала мысленно рассматривать «стену», задавая себе вполне логичный вопрос: «Почему увиденная «стена» была перевернутой, расположенной «основанием» вверх?» - Ведь это самое «основание», которое приобрело сначала темную, а позже - угольно-черную окраску, по ее непреложным понятиям было «землей», оказалось вверху, а воздушно-легкая часть стены - внизу. И, как бы являясь самым тяжелым компонентом в палитре, эта жидкая

«грязь» вполне естественно двигалась вниз и оставила свои следы - пусть короткие, но отвратительные подтеки, на чистом и беззащитном мире красоты и гармонии цвета и света. «Если она перевернута, то почему?»

Потом женщина начинала себя убеждать, что все это настолько несерьезно (подумаешь, сон приснился), что надо немедленно выбросить его из головы. Забот и без этого хватает, жизнь преподносит достаточно проблем, вопросов. И надежды на их сокращение пока не видно. А с недавних пор неприятностей стало больше, радости все меньше. Это факт неоспоримый.

Неожиданно, женщина остановилась на мысли, что привидевшаяся фантастика не уходит от нее неразгаданной, потому что вызывает какие-то ассоциации. Словно в ней закодирован определенный смысл и, возможно, иносказательные ответы на многие вопросы ее бытия. «Нужно непременно додумать все до конца и разобраться в этом, - решила она. - Возможно, мой мозг таким образом выдает какую-то важную спрессованную информацию, в которой объяснение многих вещей. Ведь совсем недавно столько всего произошло, многое еще не осознанно или не найден выход».

Она попыталась спокойно вспомнить свои

любовь с годами переросла во что-то значительно большее, наверное, у нас и группа крови стала одинаковой.

Так что, сердце мое, молчи, не плачь, не сжимайся от страха и не жди несчастья. Верь. Верь в свою счастливую звезду. И только так. Эта вера спасет не только меня, она поможет и моим детям, за которых болит душа. Я должна быть на высоте, не поддаваться трудностям. Должна быть стойкой, не гнущаяся и не падать на колени перед злом.

Нужно возродить в себе уверенность, уважать свое прошлое и саму себя, находить радость в жизни. И пытаться быть счастливой. Надо делать себя счастливой! И все это должно быть у меня в душе... надо сломать «стену» трудностей и проблем».

Теперь женщина почти окончательно поняла смысл сна-яви, так четко впечатанного в ее сознание. Он был неоднозначен, невольно возникали как бы два «варианта» разгадок.

Самый неприятный из них содержал, похоже, тему судьбы и ее предположение, что «стена» олицетворяла собой всю палитру красок ее жизненного пути. Он начинался с прозрачно-наивных, радужных и туманных помыслов, надежд, добрых дел и достижений, затем включал сероватые тона,

представляющие собой неприятные события, избежать которых в жизни, практически, невозможно никому. Можно было истолковать это, как этап, который она переживала сейчас... Позже «на стене» появились цвета глубокой печали. Возникшие неожиданно и вероломно, они, пугая своей чернотой, навсегда испортили трепетный «холст» сложившихся жизненных устоев - светлых красок, нарушив его целостность и одухотворенность. А своим грубым вторжением все существующее поставили «с ног на голову».

Женщина интуитивно отторгла пришедший к ней подобный смысл, не желая осознать его до конца.

Сейчас ей был ближе другой «вариант» разгадки.

И она мысленно допустила, что «стена» сквозь радужный туман, олицетворявший всю радость чувств, сохраняла свойства некой основательной преграды от разрушений извне: ее дома, семьи и всего дорогого сердцу, что она имела. В темных цветах палитры женщина увидела предупреждение в возможном возникновении далеких неприятностей, которым она сама будет способствовать, если оставит или допустит течение событий жизни идти самотеком.

Женщина выбрала, приняла сердцем эту «разгадку». Ведь она была еще молода и красива, имела планы, не запрещала себе мечтать. И в ней жила любовь - она была рядом, в ее семье.

Возможно, она имела право на второй «вариант». Женщина рассчитывала на свой характер, который позволит ей жить достойно, не теряя уверенности, силы, желания и веры в правильность сделанного выбора.

Она знала, что выход из всех ситуаций есть. Должен быть, нужно надеяться на это. Главное не строить иллюзий, не обманывать себя, а найти мужество признать и оценить реальность. Ответы на вопросы искать, и решения придут, радоваться каждому прожитому дню.

Женщина поверила в это.

1996-2010 г.г.

Долгие линии любви

Звонок в дверь раздался неожиданно для всех троих. Женщины вздрогнули. Они были увлечены общим разговором, ведь вчера вечером Елене Ивановне с Федей так и не удалось выяснить цель внезапного приезда Полины. И вот только теперь за ранним завтраком стала проясняться непростая житейская ситуация, которая заставила ее проделать такой длинный путь.

И вдруг этот резкий электрический сигнал, который, кажется, потряс маленькую однокомнатную квартиру.

Федя пошел открывать дверь. Он почему-то задерживался. Из коридора доносился неясный приглушенный разговор: Федин ломкий тенор прерывался прокуренным фальцетом в навязчивых интонациях.

Входная дверь все не закрывалась...

Наконец, на кухне появился растерянный Федя:

- Лена, иди, это к тебе...

- Да кто там так рано? Я никого не жду.

- Иди скорей, я не могу ее выпроводить. Она не уходит...

Елена Ивановна, возмущаясь, взяла свою ключку и, чуть прихрамывая, поспешила в конец коридора. Оттуда послышался ее раздраженный голос, ему вторил резкий женский. Так продолжалось некоторое время, и Полина, не дождавшись тети, поспешила к ней.

В дверях, загораживая проем объемом своих разноцветных юбок, стояла пожилая цыганка. Она так прочно обосновалась, что кажется, приросла к порогу.

Елена Ивановна пробовала выдворить ее, но цыганка не поддавалась и даже не сдвинулась с места, продолжая убеждать:

- Всю правду расскажу, не пожалеешь, любезная...

Но Елена Ивановна не слушала ее, прогоняя прочь.

В этот момент появилась Полина. Цыганка тут же переключилась на нее:

- И тебе, красавица, расскажу... Все вижу - плохо на душе у тебя. Обида тебя давит, трудная досталась судьба, радость моя. Позолоти ручку, все скажу, что тебя ждет.

Напоминание о деньгах придало сил маленькой Елене Ивановне, и она почти сдвинула с места нахальный «монолит» в дверях.

Полина же заворожено наблюдала, как цыганка с фанатичной верой в свое знание пыталась заработать деньги.

А та выкрикивала грозные слова:

- Не положите на ручку, прокляну, наведу кару...

Угломнить ее можно было, похоже, только одним средством - дать денег.

Полина достала из кармана халата небольшую купюру и вложила ее в темную, жилистую, протянувшуюся к ней в тот же миг, ладонь.

Цыганка мельком взглянула на полученные деньги и, перехватив руку Полины, посмотрела на ее ладонь. Она некоторое время изучала ее, проводя своим крючковатым ногтистым пальцем по извилистым линиям.

- Милая ты моя... у тебя второй муж - большая любовь до конца жизни. Но радости от нее не жди, - голос ее сочувственно потеплел.

Она еще раз взглянула на ладонь Полины, что-то хотела добавить, но передумала и тихо выпустила ее руку.

Затем, повернувшись вполоборота к Елене Ивановне, протянула руку к ней.

- Дай взгляну, любезная моя.

Елена Ивановна, секунду подумав и решив, что ничего не теряет, разрешила цыганке погадать. После небольшого молчания та

изрекла:

- Скажу тебе так, любезная. Большая любовь у тебя есть: ишь, какая длинная линия сердца у тебя! Да на все не наша воля.

И, наконец, уходя, заторопившись, каркающим голосом произнесла:

- Ждите, к вам скоро будет гость.

Женщины, переглянувшись, в один голос выдохнули:

- Какой гость?

- Мужик, мужик - башка твоя, - был ответ. Цыганка постучала костяной рукой себя по голове и повторила, растворяясь в подъезде:

- Башка, башка твоя...

Елена Ивановна, остолбенев, произнесла:

- Сева...

Полина, побледнев, подумала: «Ленька?» Но, быстро взяв себя в руки, успокоилась: «Не может быть! Он очень далеко».

Она внимательно взглянула на свою седую тетю, удивляясь ее волнению и восклицанию. И поняла, что Сева, которого вдруг вспомнила Елена Ивановна, был первым ее мужем, красавцем военным, и она без памяти его любила. Но расстались они очень давно - лет тридцать пять назад! И все это время о нем не было никаких известий, возможно, его уже и в живых нет... Он, помнится, в самом начале войны попал на фронт, а встретились они только

после войны, совсем ненадолго. После этого Елена Ивановна не видела его и никогда не говорила о нем. Между ними стоял его обман, который, как считалось в ее немногочисленной родне, простить нельзя.

«И что же получается? Неужели она ждала его и ждет до сих пор?», - Полина, не отрываясь, смотрела на Елену Ивановну. И, прочитав в глазах племянницы вопрос, та тихо сказала, когда Федя вышел из комнаты, как бы не замечая взволнованного вида жены:

- Вдруг он больной, израненный найдет меня...

Лицо ее от сильного волнения покрылось красными пятнами, она еще долго не могла успокоиться, бралась за все дела сразу и не доводила до конца ни одного из них.

Чуть позже застолье продолжилось, и разговор постепенно вошел в прежнее русло.

Полина рассказывала о своей жизни и о последних неприятностях, не сдерживая эмоций, вновь переживая их. После отъезда ее семьи из этого большого города, Елена Ивановна с Федей знали о них совсем немного, только те основные события, которые содержались в письмах племянницы к ним.

Они давно не виделись - целых двадцать пять лет. Конечно, многое изменилось за это время. Жизнь не пощадила никого из них. Елена

Ивановна совсем поседела и заметно прихрамывала, Федя, никогда не выглядевший здоровяком, стал похож на отцветающий одуванчик, но все так же, как и в молодости, был добр и приветлив. Полина, будучи блондинкой, сохранила замечательный цвет лица и была почти так же красива, как и раньше, только ее синие необыкновенного голубичного оттенка глаза, сменили радость на недоверчивую грусть. Их семьи всегда связывали теплые родственные отношения, им довелось пережить рядом войну. Елена Ивановна, не имея своих детей, поматерински благословила Полину на брак с Сергеем Васильевичем, а в нужный момент всегда находила для каждого из них слова сочувствия и одобрения. И вот теперь Елена Ивановна оказалась для Полины все тем же родным причалом, куда можно пристать в бурю и переждать ненастье...

Все это время Полина семьей жила на Дальнем Востоке, в новом промышленном городе. Жизнь у нее складывалась не счастливо, не удачно, но терпимо, с мелкими радостями, без больших бед. Семья была небольшая - муж да дочь. Муж был хорошим специалистом, мастером на все руки, его ценили на работе, но попивал, а позже, даже не считаясь с возрастом. Однако, несмотря на этот свой недостаток, семью он «вел», оберегал и был сердечно

привязан к жене и дочери. В год своего совершеннолетия дочь вышла замуж, а через положенное время родила им внука, в котором они души не чаяли, и все их интересы теперь переместились и сконцентрировались на семье дочери, самых дорогих для них людей. Внешне жизнь протекала спокойно и, казалось, все были счастливы.

Но вскоре всё изменилось.

Неожиданно заболел и умер Сергей Васильевич. Полина осталась одна в своей, ставшей сразу просторной и гулкой двухкомнатной квартире, занимающей половину деревянного дома. Внезапная потеря мужа оглушила ее на длительное время. Жила она как бы автоматически: дом, работа, дом и снова работа, на которой она, будучи оператором на хлебокомбинате, пропадала по 13 часов в сутки, и не было времени думать о дальнейшем. Но наступали дни отдыха, приходили вечера и ночи, когда ей казалось, что жизнь остановилась, а впереди уже ничего хорошего ее не ждет...

Полина сейчас все это вспоминала, сидя за уютным столом у Елены Ивановны, говорила негромко, раскрывая душу людям, которые не осудят и правильно поймут. Не все рассказанное уже переболело у нее в душе и поэтому таким горьким чувством сопереживания отзывалось в их сердцах, что все трое не стеснялись слез.

В то время Полину не спасали даже мысли о дочери и ее семье. Ведь там она находила себе приют только иногда, на ночь, считая, что стесняет молодых. Они тогда занимали тринадцатиметровую комнату в коммунальной квартире, ожидая решения своего квартирного вопроса. В своей же квартире ей было пусто и холодно, находиться в ней долго она не могла. А потому чувствовала себя бездомной и никому не нужной. Ей, кажется, не хватало воздуха и твердости в позвоночнике, она напоминала самой себе, порой, то бабочку, вдруг накрытую сачком, то одинокую отцветшую травинку, оставшуюся на скошенном поле и подвластную всем ветрам.

Возможно, уже вскоре крепкое здоровье и время сделали бы свое дело - депрессия отступила, многое, ранее непривычное, стало нормой жизни, возникли бы другие настроения, появились новые желания.

Но этого не случилось. А произошло непредвиденное обстоятельство - в ее жизнь вмешался случай. Он по-своему распорядился возникшей ситуацией...

Международный женский день в этом же году оказался как для Полины, так и для всех в то время, рабочим днем, и мастер хлебопекарного участка решила поздравить свой женский коллектив с праздником в

непринужденной обстановке после смены. Уютного места для этого сразу не нашлось, и она, вспомнив, что у Полины - свободная квартира, где вполне можно разместиться, предложила провести мероприятие у нее. Конечно, та не могла отказать, а, подумав, даже обрадовалась, пусть хоть что-то веселое войдет в ее дом. Так и сделали. Но женскому коллективу начальницей был приготовлен сюрприз: вместе с ней неожиданно для всех пришли двое мужчин - два ее брата...

Они были встречены ликованием незамужнего, еще полного сил и здоровья женского общества, где для настоящего веселья не хватало внимания пусть даже и не холостых мужчин. Только Полина промолчала, накрывая на стол. Старший из них - Михаил, как стало впоследствии известно, имел тайную цель: присмотреть для своего младшего и самого любимого брата Лени подругу или спутницу его не сложившейся личной жизни. Было известно, что у Лени пятеро детей и жена, которая уже много лет серьезно болела и, редко появляясь в доме, обычно вскоре снова отправлялась на лечение. Брату было жаль красивого и несчастного младшего, и он давно по-отечески заботливо «толкал» брата на решительный, в его понимании мужской поступок - не забывать о себе и помнить, что жизнь дается один раз. Но

тот не реагировал на его наставления, был озабочен бытом и все прибавлявшимся, несмотря на нездоровье жены, семейством да скудостью своего заработка.

Но этот весенний праздничный вечер вихрем вторгся в его жизнь, изменив все его представления... Вечер с поздравлениями в домашней обстановке пришелся всем по вкусу. Михаил - по характеру веселый и простой - руководил застольем, здесь нашлось место анекдотам, песням и танцам. Леня, как и остальные, попал под его влияние. Он, вдруг оказавшись в центре внимания разгоряченных вином и музыкой женщин, ощутил в себе такой внезапный прилив неизрасходованных сил и скрытых желаний, что забыл обо всех проблемах, поняв, что он молод и красив. Если бы у него хватило на то фантазии, он мог бы показаться сейчас себе медведем, пробудившимся от длинной таежной спячки и оказавшимся под весенним ярким солнцем перед запрудой с плещущейся рыбной стаей. Именно здесь и сейчас он почувствовал себя уверенно и счастливо. Возможно, впервые за всю свою сорокалетнюю жизнь и двадцатилетний семейный стаж он увидел, что, оказывается, есть и другая, не похожая на его, жизнь, с радостями, которых он никогда не испытывал. Но самое главное - он до этого вечера даже не замечал,

что по земле ходят другие, кроме жены, женщины, с юности озаботившись пришедшими с ней проблемами. А сейчас женщин рядом было много, и все эти радостные, румяные лица были обращены к нему и только к нему. От такого успеха у Лени голова пошла кругом - он упивался приобретенной свободой.

И в этот момент он увидел Полину... (Она не принимала активного участия в веселье, сидела за столом, с интересом наблюдая за всем происходящим). Он вдруг обнаружил ее тем специфическим мужским взглядом, который проявляется не столько зрением, сколько не осознаваемым внутренним чутьем, инстинктивно породившим в нем собственника и обладателя. Это чувство до сих пор не было ему известно.

Леня, уловив интерес к себе и по-своему расценив его, вначале оторопел от мгновенной перестройки своего мыслительного процесса. А затем последующее уже совершенно не контролировалось им - он пустил в ход все свое обаяние, выразившееся в тот момент, в долгих косых взглядах удивительно голубых глаз на Полину. Он ее гипнотизировал, совершенно оглупевший от наполнивших его в одно мгновение до всех краев чувств.

В его голове, кажется, и не мелькнула мысль, что он не просто знал ее раньше, а что они виделись каждый день на работе. К тому же, он

даже был знаком и разговаривал несколько раз с ее мужем по поводу продажи лодки, и тот сочувственно и одобрительно отнесся к нему...

Полина была немного польщена внезапным вниманием, в общем-то, красивого молодого мужчины, просто Леньки, как звали его все в цехе. Это ее, взрослую женщину, намного старше его, сначала слегка развеселило, а необузданность желаний в его взглядах затем настроила почти лирично. Полине все выражения отяжелевших глаз в ее сторону, показались тогда сиюминутными, под настроение общего веселья.

Но было уже поздно, Леньку захлестнуло и понесло на могучих крыльях неизведанное им испепеляющее чувство. И к концу вечера он ощутил себя всемогущим защитником потерявшей опору в жизни, овдовевшей Полины ...

Елена Ивановна с замирающим от огорчения сердцем слушала племянницу. «Видимо, ничего случайного нет в жизни, каждый человек движется в своем, свыше данном круге, по какому-то неизвестному ему пути. И дело обычное - два круга жизни соприкоснулись, блуждая в пространстве отпущенного им времени, и даже соединились, образуя общий. Это судьба. Так и возникают семьи и счастливые, и несчастные. Вот и у нас с тобой,

Полина, семьи есть, а счастья нам с тобой почему-то не дали. Наверное, наше счастье - это то, что у нас есть. Может, нам и давали другое, да мы с тобой его не рассмотрели, а позволили себе иметь то, что имеем».

Так, примерно, можно представить то, что думала Елена Ивановна, размышляя о роковых встречах и человеческом счастье. А встреча Полины и Лени оказалась действительно судьбоносной. Позволив ему однажды войти в ее жизнь, она уже не смогла избавиться от его вторжения.

Шло время: полгода, год...

Понимая нелепость их союза, Полина предпринимала попытки разрыва отношений. Она уже набиралась сил на защиту себя и не была той первоначальной жертвой встречи, но все-таки их, этих сил, было недостаточно под диким напором пробудившихся страстей Лени. Не смогли ей помочь в этом и дочь с зятем. Поборовшись некоторое время с «варягом» и устав от этой борьбы, они поняли бесполезность затеи путем убеждений, уговоров и взывания к здравому смыслу Лени побудить его оставить Полину в покое. Решение было единственным: скрыться Полине из его поля зрения, хотя бы на время - втайне от него уехать, например, к Елене Ивановне, а дальше - время покажет, что делать. И тогда заплаканная Полина купила чемодан и,

сложив в него только самое необходимое, словно беженка, двинулась из обжитых мест. Через неделю она, обрадованная приобретенной свободой и встречей с родственниками, уже была у тети.

Мудрая и предприимчивая Елена Ивановна, понимая противоречивость Полиного настроения, сочувствовала ей всей душой. Но сейчас они с Федей не знали, чем можно помочь ей, да и не представляли, как Полине следует поступать дальше. Затем, поразмыслив, решили, что не стоит заглядывать далеко в будущее, пусть немного поживет у них, ее нужно отвлечь от проблем - повозить по знакомым, но почти забытым ею местам города, по немногочисленной родне, а о будущем можно будет подумать позже. «Решение должно прийти, когда созреет», - подумала тогда Елена Ивановна. Она редко ошибалась.

Сидя за столом, все трое, наговорившись, уже подустали. Ясный осенний день бабьего лета перевалил за полдень - потемневший прямоугольник восточных окон едва освещал квартиру.

Решив отдохнуть, Елена Ивановна с Федей разошлись по своим постелям.

Прилегла и Полина на раскинутом для нее удобном диване - дальняя дорога поездом была не из легких. Пригрелась, задремала...

Неожиданно и близко, в воздухе перед ней всплыло лицо Лени: его кристально-голубые глаза и черные кудри над белым лбом.

- У нас в роду много кровей намешано: и русская, и украинская, и греческая, а моя бабка - мать отца - была цыганкой, - произнесли его губы четко и хвастливо, исказившись в усмешке.

Она удивилась, хотела встать, но он заботливо сказал:

- Спи...

И она заснула крепким сном, будто он снял печаль с ее сердца.

Спали недолго, а отдохнув, дружно принялись готовить ужин. Незамысловатый, но всегда сытный и вкусный стол, который сооружала Елена Ивановна когда бы к ней не пришли гости, и раньше удивлял Полину. Покрытый накрахмаленной до хруста скатертью, стол имел праздничный вид даже в будни, и при самом скромном достатке - как часто бывали такие времена! - на нем всегда было что выпить и чем закусить всем, кто бы ни пришел. В этом не скудеющем во времени столе заключалась тайна Елены Ивановны, которую Полина не постигла никогда. И сейчас он ломился от разнообразных салатов, фаршированных блинов и печеных пирожков с начинкой на все вкусы. Но основным коронным блюдом, как всегда, был наваристый рассольник, один из множества

вариантов, которые были известны только Елене Ивановне, и, конечно, горячая вареная картошка с селедочкой под слабым уксусом.

Снова присели за эту скатерть-самобранку, как тетушка называла свой удивительный стол. Выпили по глотку домашней ягодной настойки, чуть прикоснулись к одному, другому блюду, и потекла беседа, не торопясь, ведь сегодня никого не ждали в гости, родственникам только завтра сообщат о Полином приезде.

Тихо накатывал вечер, приближая ночь.

Включили телевизор: послушали новости, изредка перебрасываясь словами, посмотрели фильм, обсудили, что предстоит сделать завтра. Вот и закончились первые сутки пребывания Полины в этом гостеприимном доме. «Как тихо и спокойно, никто не кричит, ничего с меня не требует. Мне так не хватает последнее время этого в жизни», - думала Полина. Сердце же ее почему-то тревожно билось, возможно, чувствуя мнимость благополучия.

Около двенадцати ночи, когда Елена Ивановна решила проверить - хорошо ли закрыта входная дверь, вдруг прозвучал звонок. Его, внезапно пробудившийся, искусственный голос был краток и силен. Как будто тяжелая рука, устав от работы, поставила последнюю печать: «быть!».

Елена Ивановна замерла на месте на полпути

к двери, к ней неслышно придвинулись Полина с Федей, оглушенные возникшей в квартире тишиной...

- Не открывай..., - прошептал Федя еле слышно, вдруг вспомнив утренние слова цыганки.

Елена Ивановна решительно повернулась к нему, озаренная своей догадкой:

- Сева... Это Сева пришел!

При этих ее словах Федя стал еще меньше ростом и прислонился почти без сил к Полиному плечу. А Елена Ивановна, уже не обращая на них ни малейшего внимания, путаясь в своих замках, как в чужих, пыталась их открыть и все никак не могла это сделать, громко проговаривая вдруг незнакомым звонким голосом: - Сева, я иду... Сева, я сейчас!

Наконец, замки поддались, и она рывком, чуть не плача, распахнула дверь. Перед ней стоял... нет, не Сева, а незнакомый мужчина. Он некоторое время смотрел на нее странным непонимающим усталым взглядом, затем медленно перевел его на двоих, замерших в сумраке коридора. Глаза его расширились, и, кажется, озарив всех своим голубым светом, он внезапно, в каком-то стремительном порыве шагнув через порог, кинулся к Полине и сквозь слезы прокричал:

- Любовь моя, любовь моя... Наконец-то я

нашел тебя.

Это был Леня.

Потрясение было всеобщим.

Утро следующего дня, заглянувшее в квартиру Елены Ивановны, было хмурым и ветреным. Неизвестно откуда взявшиеся потоки холодного воздуха штормовыми порывами срезали остатки охряных листьев с деревьев во дворе, и с жестяным ворчанием гнали их по тротуарам и дорогам. Осень, похоже, закрывала свой бархатный сезон, уступая место ранней зиме.

Резкое изменение погоды передалось, кажется, и людям, наполнив их тревогой и беспокойством.

В квартире Елены Ивановны все заснули только под утро, взбудораженные ночным вторжением Лени, проведя ночь в обсуждении его приезда.

Изумленно слушали, как малограмотный Ленька совершал свой необычный вояж в поисках Полины. Самое непостижимое при этом для всех заключалось в том, как никогда не выезжавший из города и даже редко пользующийся автобусом, он смог в такой короткий срок посетить ее дальнюю родню на Дону, а теперь оказаться здесь, на Волге! К тому же он преодолел все эти расстояния самолетом, найдя нужные адреса в старых письмах и

праздничных открытках, когда-то присланных Полининой семье.

Полина была потрясена и оглушена его приездом.

А Елена Ивановна, весь следующий день делая самое необходимое по дому, только и могла, что молча смотреть на Полину, вздыхая и сразу утратив бодрость и погрузнев. Федя же наоборот был свеж и счастлив, он с удвоенной силой хлопотал по хозяйству, тайно радуясь за себя. Ему вторил Ленька, сразу обретя уверенность и солидность.

Прошло несколько дней. И Полине ничего не оставалось делать, как собираться в обратный путь, другого варианта ей судьба не уготовила. Она была ни радостна, ни грустна: она была подчинена ситуации неизбежности, как подчиняется человек силам стихии - огня, ветра, воды, понимая, что это не последний сюрприз от Леньки. Но тогда она и представить себе не могла, сколько испытаний уготовано им в дальнейшем жизненном пути, и какую сердечную ценность приобретут в них минуты и даже мгновения радости, осветившие их совместное движение до глубокой старости, и только за счет которых, наверное, это долгое движение и состоится...

Поезд на Дальний Восток уходил вечером, и Елена Ивановна с Федей решили проводить

своих гостей до вокзала.

Елена Ивановна тщательно одевалась, для нее эта поездка была событием. Во-первых, она прощалась с племянницей, не зная, когда они встретятся вновь. А во-вторых, она не была на вокзале с того далекого незабываемого для нее послевоенного года.

Такси, рассекая ночные высокие огни большого города, увеличенные чистым и свежим воздухом поздней осени, быстро домчало их до вокзала.

Вокзал сверкал в ночном пространстве неоновым светом, переливаясь желтым и голубым, как фантастический кристалл, поставленный в людской муравейник.

Елена Ивановна с удивлением и волнением, как при встрече со старинным другом, ступила на его территорию. Она ожидала увидеть чуть ли не призрак старого времени - немного, но знакомого свидетеля событий, которые ей довелось пережить. Но он стал другим, и даже, кажется, дух старого здания изменился.

«Да ты помолодел, друг мой! А я видишь, какая стала? Что же я рассчитывала здесь увидеть? Ведь с тех пор прошло уже тридцать пять лет - половина жизни, душа же моя осталась прежней. И на память не жалуюсь», - так она мысленно обращалась к вокзалу, как к живому, рассматривая и оглядываясь.

Как известило вокзальное радио, поезд уже ждал отъезжающих на посадку, куда и двинулись все четверо: Полина, поддерживая под руку Елену Ивановну, обе под присмотром Федей и бдительного Лени.

Нужный вагон оказался напротив вокзала, и они быстро определились со своими местами, поместили свой скромный багаж - еще совсем новый Полин чемодан да сумку с провизией на длинную дорогу. Стали прощаться. Женщины, обнимаясь, тихо плакали. Вот закончились последние слова и поцелуи. И теперь уже Леня, на правах хозяина, провожал Елену Ивановну с Федей из вагона.

А спустя минуту, поезд почти незаметно тронулся с места, затем деловито и уверенно двинулся в путь, увозя проблемы своих пассажиров в другие, возможно, более счастливые и радостные места.

Расходились по своим делам провожающие, и только одна пара - женщина с клюшкой, поддерживаемая мужчиной в великоватом для него пальто - долго не двигалась с перрона, ожидая, когда красные огоньки последнего вагона медленно уходящего состава не растворились в черноте ночи.

Потом Елена Ивановна с Федей медленно и молча побрели к выходу в город, думая каждый о своем.

Она вспомнила, что перрон послевоенного вокзала был дощатым и не таким огромным, как сейчас, он был размером с его центральную часть, а дальше в обе стороны площадь была засыпана щебнем. Тогда над вокзалом стоял неистребимый запах горящего угля. А когда паровоз подавал состав, он выплевывал из своих недр клубы белого пара и черного густого дыма, оседавшего на всем, попадавшем в его окружение.

Ее память сохранила мельчайшие детали **того** летнего дня, и сейчас воспоминания не просто ожили и приобрели голоса и краски, они полностью поглотили ее сегодняшнюю, мгновенно унеся в незабываемое время. Тогда ее звали Леной, Леночкой...

Она вдруг увидела себя как бы со стороны - молодой, кареглазой и темноволосой, с модной в то время гладкой прической, обрамлявшей свежее розово-белое лицо с ямочками на щеках. Вот она в нарядном светлом крепдешиновом платье быстро вышла на перрон, сжимая в руках ручку черного ридикюля, радостно светились спелыми вишнями карие глаза. Огляделась. Перрон был почти пуст.

Ее дорогу пересекал инвалид на низенькой тележке на шарикоподшипниках; у него, кажется, до паха не было обеих ног. Он упирался кулаками в дощатый настил, передвигая свое

тело в нужном направлении. При каждом его движении ритмично скрипела тележка, бряцали ордена и медали на груди офицерского кителя.

Неподалеку, у самой вокзальной стены, мужчина в полувоенной форме, небритый и заросший рыжей шевелюрой, продавал самодельные деревянные игрушки. Около него стояла женщина с ребенком лет пяти. Мальчик попеременно пробовал весь его незамысловатый арсенал: бабочку на длинной ручке на колесиках, взмахивающую при каждом движении крылышками, разноцветные мячики, подпрыгивающие на резинках. Женщина заинтересованно рассматривала деревянную шкатулочку, попеременно открывая и закрывая ее. Весь этот товар, выкрашенный фуксином и зеленкой, а затем покрытый бесцветным лаком, ярко и призывно блестел на солнце, радуя покупателей.

Откуда-то из-за угла возник звук саратовской гармошки, заигравшей лихую плясовую, но никого не веселили, видно, кроме гармониста, ее визгливые колокольчики.

Зной летнего полдня стоял над вокзалом, ни малейшего дуновения ветерка.

Лена остановилась у самой кромки перрона, оглядываясь и всматриваясь вдаль. Она ждала Севу и поезд.

Постояв так некоторое время, она не

обнаружила никаких изменений в своем окружении - Сева все не появлялся, не было ни поезда, ни спешащих к нему пассажиров.

Взглянув на привокзальные часы, она поняла, что уже почти час находится здесь. Не понимая происходящего, Лена пошла на вокзал. Там она с трудом разыскала дежурного, спокойно жующего свой бутерброд. Прервав его обед, выяснила, что поезд, к которому ее должен здесь ждать, как договорились, Сева, уже часа два в пути на Урал...

Лена не сразу поняла значения слов, сказанных дежурным, а, поняв, что поезд ушел и «такого же» поезда уже не будет никогда, пошатнулась, сознание почти оставило ее. Она бессвязно спрашивала у дежурного:

- Как же так?.. Где Сева?.. Где наши вещи?..

Ее посадили на табурет, дали воды, похлопали по щекам, приводя в чувство. Она все так же бессмысленно повторяла:

- А где Сева?.. Где наши вещи?..

Позвали медработника, он дал понюхать ей нашатырного спирта... Лена, понемногу приходя в себя, рассказала, что ее муж - Сева, от которого она вчера получила телеграмму, приказал ей срочно собрать вещи, быть готовой к переезду, так как его воинская часть перебазировается на Урал, и ждать его. А сегодня он, приехав рано утром домой, наскоро

поздоровался с ней и погрузил заранее приготовленные вещи в ожидавшую его машину. Лене же сказал, что поедет оформлять багаж, а она должна подойти к 13 часам к отправлению поезда, здесь он ее будет ждать.

Выслушав рассказ Лены, дежурный, бывший офицер-пограничник, возмущенно произнес:

- Негодяй - твой Сева! Он обманул тебя. Он украл у тебя все вещи, а тебя бросил! Поезд ушел еще в 12 часов.

- Нет, нет, не может быть! Сева только сегодня вернулся с фронта домой. Он всю войну прошел, был ранен... Он не мог так со мной поступить! - Лена плакала, защищая мужа. Сердце не принимало жестокую правду.

Ей посоветовали идти домой, возможно, у мужа как-то переменились планы, и он уже ждет ее там. И она, встрепенувшись, сразу ухватилась за эту слабую надежду и поспешила домой.

Комната в бараке, которую еще за пять лет до войны получил молодой лейтенант для своей семьи, встретила ее беспристрастным ответом на все вопросы: там Сева больше не появлялся. С ним исчезли и все ее скромные пожитки, сложенные в коробки из-под папирос «Беломорканал». В одну из них была упакована самая большая ценность Лены - ручная швейная машинка «Зингер», немецкая, безотказная в работе с любой тканью. Она была, можно

сказать, кормилицей Лены, шьющей на заказ всю войну.

Лена присела на оставшийся старый венский стул...Она призвала все свое мужество, чтобы не плакать. Конечно, она не просто не ожидала «такого» от Севы, она совершенно не была готова к его отсутствию в своей жизни. Это было странное чувство, ведь она знала, что могла потерять его в любой день ушедшей войны, но не принимала, не думала, да и не желала осознавать тогда этого до конца. Она ждала его всем своим сильным чувством преданности их любви. Она сберегла свою женскую чистоту и, возможно, своей верностью хранила его жизнь в той кровавой и жестокой круговерти войны, где он находился целых шесть лет. Но его обман... значит, что она не сохранила их любовь.

Лена достала из своего ридикюля все, что у нее осталось теперь: документы, немного денег и небольшую стопку фронтовых писем от Севы, сложенных треугольниками. Их было всего восемь. Четыре из них пришли в первый год войны, они были полны любви и заботы. До его ранения она получала и его офицерский продовольственный аттестат. Сева лежал в госпитале, где чудом сохранили ему ногу, она его навещала там и, дождавшись выздоровления, во второй раз отправила на фронт. После этого от него пришли еще два письма, более сухие и

отдаленные. Но Лена старалась этого не замечать. А потом он замолчал надолго, до тех пор, пока она, сделав запрос в его войсковую часть, не получила от него письмо, в котором он просил не беспокоиться о нем, так как он жив и здоров, а затем пришло и последнее, уже после войны. Он ей сообщил, что ему присвоили очередное звание - полковника, и он остается служить в Германии в интендантской части. Письмо не было холодным, но показалось ей хвастливым и бесчувственным. Она отвечала ему всегда горячим ожиданием встречи. И вдруг вчера пришла телеграмма от Севы, из которой она узнала, что он проездом к новому месту службы сегодня заедет за ней и вещами. Лена была счастлива, что наконец-то кончилась ее одинокая и трудная жизнь. Собралась она быстро, а комнату и мебель оставляла для Полины, которая недавно вышла замуж. Все складывалось так прекрасно!

А теперь, всего два часа спустя, от радости и счастья не осталось ничего: она потеряла в жизни все, что имела, что желала, того, кого любила и боготворила. Она была выброшена как ненужная и лишняя вещь в пути.

«Сева, Сева, Севушка... Нет, не верю, что это произошло с нами! Помнишь, как нам было хорошо, как ты меня обожал и считал самой лучшей женой на свете? Сева...», - Лена

мысленно взывала к Севе, но ответом ей была тишина.

Она еще посидела, приткнувшись как-то боком к спинке стула, не ощущая своей неловкой позы и времени. И решила идти, пока еще не зная куда.

«Надо уйти отсюда. Быстрее на улицу, к людям. Иначе сойду с ума», - выходя из комнаты и по привычке закрывая ее на ключ, думала Лена.

В каком-то забытии она брела, бежала, может быть, ехала на автобусе, она потом не могла четко вспомнить этого, но пришла в себя, когда поняла, что находится на вокзале.

Да, правильно, кроме этого места, ей идти было некуда. Здесь она не нашла, здесь всё потеряла, и здесь скрыта тайна исчезновения Севы, которая больше всего на свете сейчас мучила ее. Она чувствовала своим, вдруг возникшим обостренным чутьем, что только вокзал поможет раскрыть все неизвестное для нее, что только здесь она получит ответы на свои вопросы.

И снова она стоит на дощатом настиле, на краю перрона...

Отсюда несколько минут назад отошел какой-то пассажирский состав и, проводившие его люди, неторопливо расходятся, перрон пустеет. Вот маневровый паровоз гукнул рядом,

предупреждая о своем появлении, и, обдав ее густым паром, отправился к своим товарным платформам. Лязгнули буфера, и платформы задвигались, выполняя свои, непонятные для посторонних, маршруты.

Послеобеденное солнце продолжало все так же нещадно палить.

Снова, как и раньше, раздались звуки, ставшей Лене ненавистной гармошки, с равнодушным визгливым звоном колокольчиков.

Лена очнулась от своих дум, поняла, что невыносимо хочет пить, жажда пылающей пеленой окутала ее, не разрешая думать ни о чем другом. «Где-то должна продаваться газировка», - с этой единственной мыслью она оглядывала вокзал воспаленным взглядом. Ноги понесли ее к выходу в город.

Здесь, в тени высоких лип, она действительно обнаружила тележку под белым зонтом с водой. Прохладная газированная вода с клюквенным морсом немного охладила ее. Допивая второй стакан, Лена вдруг увидела совсем недалеко от себя, на обочине привокзальной площади, военную машину, похожую на ту, на которой Сева увозил вещи. Всмотревшись, еще не веря своим глазам, поняла: да, это была именно та самая машина с открытым верхом и немолодым водителем в солдатской форме, который сейчас

ремонтировал колесо.

Лена рванулась к этой машине, как к месту своего единственного спасения, но ноги, ослабев, не слушались ее. Медленно подойдя к водителю, она остановилась рядом. Тот оторвался от работы, снизу посмотрел на нее, узнал и выпрямился. Как виновный в чем-то, он молчал, наклонив голову и вытирая руки грязной тряпкой. Лена, прервав молчание, охрипшим голосом произнесла:

- Говори, что знаешь...

Шофер, с трудом находя слова, рассказал, что встретил Севастьяна Павловича утром вот здесь, на площади, когда тот искал машину, чтобы привезти вещи.

- Он очень торопился, нервничал. Сразу узнал меня, все-таки сколько лет мы с ним знакомы... Вот и повез я его к вам домой, я ведь и не знал, что он не с тобой едет. Это выяснилось позже, когда уже на перроне начали вещи сдавать в багаж. Тут к нему и подошла его... женщина. Сначала я не придал этому значения, мало ли, кто с кем разговаривает в этой толчее на вокзале. Но потом понял, что все это неспроста - она беременна, уже сильно заметно, и все держалась за его локоть, цеплялась за него. Когда вещи сдали, он сказал мне подождать, а ее отвел в вагон и там оставил. А потом вышел, мы с ним покурили, вот видишь, он дал мне пачку

«Казбека»... Сказал, что она - жена ему законная. Как только стало известно, что забеременела от него, так и приказали жениться, зарегистрировали их прямо в части, вроде, деваться ему некуда было... Вы же с ним не расписаны... В общем, вот так. Ты меня прости, Христа ради. Если б знал, что так выйдет, не согласился бы ни за какие деньги его везти. Я ж тебя знаю смолodu, ты - хорошая девка, и мне стыдно за него.

Лена была поражена словами водителя, бывшего соседа по бараку, но, собрав все свое мужество, не проронила ни слезинки, только медленно и молча пошла по дороге.

Дома она слегла в жесточайшей лихорадке: ее трясло в ознобе при высокой температуре, сразу ослабев, она была на грани смерти несколько дней. В полубреду она все прижимала к груди своего не рожденного ребенка, от которого избавилась, сделав подпольный аборт по настоянию Севы в первый год их совместной жизни. Запекшиеся губы шепотом повторяли:

-Расплата..., расплата пришла... за грех... смерть твою...

За ней бережно ухаживали тогда Полина и соседки. И ее организм вынес потрясение, Лена выжила.

Только после этого появилась снежно-белая прядь в ее черных волосах.

Прошло несколько лет. Лена все так же, как и раньше, продолжала жить в бараке. С годами она простила Севу, в душе оправдав его, считая жертвой обстоятельств; для нее он остался родным человеком, мужем, ведь ближе его у нее не было мужчины. А потом в жизни Елены Ивановны появился Федя. Как она говорила, он «прибился» к ней - одинокий, худенький и слабый здоровьем человек, заброшенный в город войной из Молдавии. Он однажды пришел из домоуправления по ее вызову починить дверь, да так и остался. С ним она зарегистрировала брак и приняла его фамилию, затем они переехали в новую квартиру, постепенно стали налаживать семейные отношения.

Жизнь Елены Ивановны, как жизнь многих людей, сложилась из двух частей - «до» и «после». Прожив после тех катастрофических для нее событий еще долго, она так и не смогла забыть свою единственную любовь - Севу. И даже на закате своих дней, она трепетно ждала его с нерастраченным чувством той молодой девушки, которая впервые увидела щеголеватого лейтенанта в только что сшитой форме, поразившим ее воображение на всю оставшуюся жизнь...

Медленно, под впечатлением воспоминаний и прощаний, пожилая пара уходила с вокзала в ночь.

2007 год

Вкус лимона

Шла вторая половина апреля, но запоздавшая весна не принесла ожидаемого тепла. Резкий ветер постоянно поставлял северный холод, забывая о сезоне.

Кое-где еще видны корки снежного наста, трудно тающие при такой погоде. От них веяло зимней стужей.

Холодно было и на душе.

Сегодня для меня был особенно тяжелый день. Радоница. Первый Родительский день после светлой Пасхи - день поминовения.

После зимних снегов почти очистилось городское кладбище, и десятки машин поспешили туда, запрудив обочины его размытых грунтовых дорог. Вереницей двигались пешеходы...

Люди обновляли и очищали памятные места, тихо поминали родных и близких, нашедших последний приют в этой земле. И только вороны, предвкушая трапезу, громким

карканьем нарушали печальный покой этих мест.

Отдав дань памяти ушедшим в мир иной, люди медленно расходились и разъезжались.

Покидала место скорби и я, пытаюсь выйти из глубины нахлынувших чувств горя и безвозвратности жизни, держа путь домой.

...Незаметно наступил вечер, темнело.

Дома было тихо, еле слышно работал телевизор. Показывали что-то бессодержательное, грубое, кровавое, которое перемежалось выкриками рекламных пауз. Зрелище не увлекало и не успокаивало.

Урывками поглядывая на экран, пыталась просмотреть новую книгу, отвлечься от своих дум.

Позже - вскипятила и заварила чай. Налила себе в любимую граненую кружку, машинально отрезала ломтик лимона. Он был совсем небольшой, этот кусочек. Теперь и сама не могу объяснить, почему так сделала: ведь лимоны не люблю и редко употребляю даже, как сейчас - в чай. Немного подождала, пока остынет.

Попробовала чуть-чуть, потом еще и выпила до дна. Почему-то достала из кружки маленький кусочек фрукта и надкусила его. Конечно, кисло. Но вместе с тем меня остро пронзило чувство очень давнего, почти

забытого, отодвинутого в неисчерпаемые глубины памяти уже испытанного когда-то ощущения терпкости, вкуса и запаха подобной силы. И оно было связано с реальными событиями.

«Так срабатывает ассоциативная память от цвета, вкуса, аромата съеденного, увиденного...», - пронеслась у меня мысль.

Какие причудливые превратности ощущений.

Лимон как лимон, куплен для приготовления лекарства без особенного выбора. Да и сколько их было в течение жизни испробовано и нарезано для чая, кофе, салатов и прочего. Но такого вкуса и запаха я не встречала на протяжении... сорока двух лет.

Если даже учесть, что в природе существует множество сортов этого представителя южного солнца, как получилось, что за такое длительное время я никогда не встречала повторения того давнего, запомнившегося мне до конца моей жизни, единственного аромата и вкуса?

В это невозможно было поверить. Но это - факт.

Я принялась рассматривать нетронутую часть лимона, пытаюсь сравнить его пористую грубоватую желтую кожу с тем неистертым в

моей памяти видом его собратьев из нетленных воспоминаний.

- Нет, пожалуй, те были ярче, желтей, крупней и сочно-пористей, глянцевитей. Но вкус такой же, как будто они сняты с одного дерева! - размышляла я.

Найдя совпадения, мне стало понятно, чуть ли не десятым чувством, к каким неожиданным и глубоким воспоминаниям ведет меня сейчас вкус заморского фрукта.

Но в этот момент со мной вдруг стало происходить что-то странное. Кажется, моей памятью завладел кто-то другой...

Охватив разом внезапно осветившиеся события из далекого прошлого, я не имела возможности вникнуть в их подробности. Так коротка была вспышка вдруг возникшего видения.

Незримая рука, как бы, снимала пласты прожитых мною десятилетий, листая их, то прозрачно-хрупкие, то непроницаемоматовые «страницы» драгоценных и редко доставаемых из тайников хранилища фолиантов... Но я, странным образом, не ощутила их давности, а, как бы становилась участницей тех событий, почти физически войдя в свое прошлое, не видя его подробностей.

Было явное ощущение, что кто-то незримый, нежно оберегая меня, не решился разом сдернуть пелену вуали или увеличить оптическую резкость тех событий, давая мне возможность постепенно войти в их суть.

И, наконец...

Все стало тонко-призрачным, без грубых рельефов красок и звуков. Давнее прошлое предстало почти безмолвным и бесшумным, в тонах черно-белого изображения основных участников.

И только лимоны, как главные действующие лица, имели яркий, фосфоресцирующий образ, а видом и появлением представляли собой существующую одушевленную реальность.

Теперь я видела все детали происходящего...

Нежно-трепетные годы юности и грубая полоса действительности соприкоснулись и слились в едином времени и в едином пространстве.

Этим пространством оказался для меня, городской родильный дом, где пришлось пробыть весь декретный отпуск. Попад в эту изолированность с еще почти по-зимнему свежими ветрами мартовской хрустящей

оттепелью, я осталась там до устойчивого майского тепла, и вернулась домой только тогда, когда сын уже появился на свет.

Одиночный бокс, как называли мою больничную палату, выходил окнами на север. Сюда по законам природы никогда не заглядывало солнце, и серость, кажется, туманом окружала единственную кровать и тумбочку. Но днем, в тихий час, разрешали держать открытой дверь в коридор, где солнечным лучам было просторно, и они могли смело раскрасить пол под моими ногами своим ярким светом.

Находиться в больнице не было никакого желания, очень хотелось на свободу, к любимым людям: мужу, маме, отцу. В голове вынашивались даже планы побега...

Врачебный режим был педантично суров, здесь не было места лирике и живому участию. А манящее весеннее тепло можно было наблюдать только из окна. Но вскоре и это занятие оказалось непозволительным времяпрепровождением: от принятых гипотензивных средств мне только и оставалось, что лежать в ненавистой постели в состоянии полудремы.

Я сильно изменилась внешне и чувствовала себя опустошенной и одинокой. Все лечение казалось абсурдным и глупым до

тупости - ведь у меня практически ничего не болело, а нахождение в моих восемнадцать лет в полном одиночестве, как в заточении, невозможным. Ко мне во благо моего здоровья никого из близких и родных не пускали, все передачи мне были вредны, телефон почему-то отсутствовал, а чтение было запрещено. Я была совершенно бесправна.

Иногда моим, также измученным ожиданием и неизвестностью прогнозов родственникам, удавалось передать через сговорчивых санитарок записочку, в которой было несколько слов о своем здоровье и беспокойстве о моем состоянии.

Мир для меня катастрофически сузился до больничных пространств и дел, а мысли, кажется, покинули голову окончательно.

Так прошло около двух месяцев.

И вдруг однажды, перед самым ужином, мне сказали, что ко мне пришли.

Это произошло так неожиданно - просто просунулась в полуоткрытую дверь бокса голова медсестры и произнесла:

- К тебе пришли. Спустись на первый этаж.

Была суббота, за стенами шла пасмурная и зеленеющая весна. Я бессмысленно смотрела некоторое время в окно. Мое

состояние удивления граничило с шоком. Невероятное событие: мне разрешили встретиться с кем-то из близких.

В таком состоянии, ощущая только свои слабые ноги, я спускалась по принявшей почему-то другие размеры лестнице на первый этаж, не задаваясь вопросом, с кем встречу.

Байковый больничный халат, который я была обязана носить, мне стал тесен в талии. Он плотно облегал большой живот, который я непроизвольно обнимала рукой, придерживая расходившиеся при ходьбе полы. Сейчас для меня все было неважно: как я выгляжу, кто ко мне пришел. Главное - ко мне пришли, и я могу изменить ненавистный распорядок жизни, хоть ненадолго, но это был все-таки выход из заточения.

Я вошла в нужную комнату и остановилась в проеме распахнутой двери. Там увидела своих родителей. Отец и мама стояли около небольшого стола на фоне высокого окна. Вокруг - светлые стены...

Они, не двигаясь, молча смотрели на меня.

Наверное, бедные родители были потрясены моим видом. Вместо их жизнерадостной девочки, всегда красивой и цветущей, перед ними стояла худая,

изможденная женщина, отдаленно напоминающая их дочь.

Молчали. Затем они кинулись ко мне.

Голос отца неожиданно прозвучал так сердечно и участливо, что я чуть не расплакалась:

- Доченька моя, Лидочка, как ты себя чувствуешь?

Они засуетились около меня, взяли за руки, подвели к одинокому столу, и мы все разместились около него, не зная, с чего начать разговор.

На столе лежал невероятно большой кулек из грубой серой бумаги типа «крафт». Похоже, он совсем недавно был свернут в магазине и гордо топорщился всеми своими изгибами.

Родители, видя мою заинтересованность кульком и нарушая неожиданную скованность от встречи, начали его дружно раскручивать, раскрывать с двух сторон. Бумага гулко шуршала и не сразу поддалась. Наконец, удалось размотать и надорвать эту крепкую упаковку, и опрокинуть на стол ее содержимое.

Это были лимоны...

Они мясисто и весомо стукались о стол и, толкаясь, блестя боками, весело рассыпались по его маленькой поверхности. Пустой кулек

убрали на подоконник, ему здесь не было места. И важные от своей неповторимости фрукты ярко и дружно зажелтели, засияли, брызгая от радости своим кисловато-горьким ароматом.

Лимоны были отборно-крупными, одного размера, овальной формы, еще более удлиненными за счет своих пористых кончиков. Это были, как сейчас понимаю, любовно отобранные фрукты. Специально для единственной дочери.

Но... я никогда, как и все в нашей семье, не была любителем этого цитруса и о его существовании редко вспоминала. Так, иногда, по очень торжественному случаю. А здесь, это количество, наверное, килограмма три-четыре не просто ошеломило и вызвало удивление, но, учитывая мое обостренное за период вынужденного поста восприятие вкуса, цвета, запаха, показалось явлением чуть ли не сверхъестественным.

Я заморожено рассматривала лимоны. Мама поспешила объяснить:

- Лидочка, врачи сказали, что тебе дают кефир, вареную говядину и что больше ничего нельзя. Нужны только витамины. Вот мы и принесли лимоны.

Да, я поняла. Мои дорогие родители не знали, чем можно угодить мне, докторам и

всему миру...

Ведь мы без тени сомнения верили тогда медицине, врачам, были порой глупыми и наивными невеждами, полагаясь на знания других, имеющих авторитетные дипломы и должности. Были воспитаны в окружении догм, идеализировали действительность и радостно уповали на будущее. Это было время выполнения всех предписаний и указаний, веры в гуманные лозунги.

Мы молча, втроем, почти вчетвером, собирали лимоны обратно в кулек. Теперь их надолго хватит на все больное и здоровое население стационара.

Свежее дыхание лимонов заглушало, кажется, все остальные запахи в комнате нашего свидания.

Лимонно-горько пахло и от отца. Мое нахождение в этой больнице он воспринимал трагически. Не понимая по сути болезни беременных женщин и возведя меру опасности здоровью дочери до предельного состояния, он переживал нелегкое время. У него почему-то в период моего лечения разболелись зубы. Это его-то великолепные зубы, которые были гордостью по белизне и крепости!

На мое удивление обычно немногословный отец начал рассказывать,

как он недавно удалил несколько зубов:

- Без наркоза, без укола. Только ватку с нашатырем дали понюхать, крепкие были корни... Скоро снова пойду к зубному.

Тогда мне были непонятны зубные страдания от недостатка в организме кальция или от пережитых стрессов. Да и отец - всегда здоровый, казался бесконечной опорой вне времени. И вот зубы... Мой счастливо-несчастный период жизни оказался для него кризисным, болезнь захватывала его.

Но я не задумывалась об этом. Просто в тот момент он оказался душевно ближе, чем мама. Он страдал так же, как и я. Мама же была спокойнее, она воспринимала мою болезнь чисто по-женски как временное состояние.

Интуитивно я чувствовала эту разницу в их оценках моего здоровья. Возможно, поэтому мамин облик в памяти обозначился только знакомым женским голосом и виделся слабым размытым контуром в сероватой тени отца. Фигура же отца четко чернела на фоне навсегда отпечатанных в моем сознании зрелых лимонов в белом квадрате стола.

Мы успокаивались, радуясь друг другу. Им было интересно знать, здорова ли я. Мы так долго не виделись, что мне уже казалось, все забыли про меня. Но оказалось, они знают

о моем состоянии от лечащего врача, который и не разрешал ни мужу, ни родителям встречаться со мной, опять же во благо моему здоровью.

Какие необычные методы лечения по сегодняшним понятиям - отказать в общении с любимыми людьми! Сколько огорчений пережила я в тот отрезок времени, лишенная внимания родных и даже информации об их жизни, состоянии, то есть того, в чем больше всего нуждалась.

Конечно, я была не одна, а с сыном. Он давал о себе знать постоянно, но интересовал, кажется, только одну меня. Радостное ожидание быть матерью того находившегося во мне человечка, уже наделенного душой и ощущениями добра и зла, не культивировалось в этом роддоме.

Во имя милосердия жестокость, с которой я столкнулась впервые, породила обреченность заколдованного круга, выход из которого оказался один - ждать. Остро переживая изоляцию, лишенная воздуха обновляющейся природы, под прессом непонятых проблем со здоровьем, я совершенно была лишена радости жизни, веселых импульсов движения и не могла их дать в полной мере своему ребенку.

Конечно, по своей молодости я не

высказывала подобные мысли врачу, медсестрам - чуждым мне людям. Пришлось смолчать и родителям, понимая, что это их только расстроит.

Не могла я им рассказать и о многом другом, порождавшем во мне разнообразные мысли и чувства, например, о больничном быте, ограниченном и охраняемом стенами стационара.

И снова мне, как увлекаемой чужой волей, странно сжато, вспышкой выбрасывают из недр хранилища информации тему происходившего давнего, не давая осмыслить его до конца, не договаривая... Затем, заботясь и как бы жалея меня, не успевшую увидеть что-то важное, выдвигают сюжет за сюжетом в подробностях.

Размеренность принятия таблеток, строгой бессолевой диеты в виде кефира и волокнистой вареной говядины да бесконечность всевозможных анализов - эту больничную жизнь нарушали иногда рассказы женщин в коридоре, которые доносились до меня...

Они удивляли не только своей откровенностью, но и знанием многого

неизвестного не только мне, но и, как выяснилось, другим, более умудренным жизненным опытом женщинам. Рассказанные с юмором, они развлекали, а то и учили смотреть на жизнь не сквозь розовые очки

Все эти обсуждения и случаи были специфичны для нашего медицинского учреждения и, прежде всего, для первого этажа, где размещался абортарий. Здесь пациентки обычно долго не залеживались, были здоровей, веселей и не обременены тяготами деторождения. Кроме того, многим из них приходилось часто наведываться сюда, это был особенный контингент больных, которых не многим удивишь.

Как правило, их проблема решалась врачами по утрам, когда двери операционных не закрывались до обеда, пропуская вереницы чаще безмолвных, внутренне сжавшихся от предполагаемой боли, женщин. А так как подобные операции делали в то далекое время без анестезии, то и послеоперационный период протекал у всех по-разному, в зависимости от общего состояния здоровья.

Заполненные молчаливым страданием, палаты абортария несколько часов безмолвствовали. Но уже к полднику, если все обходилось без последствий, появлялись первые веселые нотки: из палат начинали

доноситься шепотки подшучиваний над нелегкой женской долей и счастливой мужской. А после ужина из-за плотно закрытых дверей уже звучал дружный смех над уместным анекдотом или удачно сказанным словом, потихоньку наполняя первый этаж оптимизмом. Боль постепенно отступала, вместе с нею уходили страхи. Жизнь входила в свою колею.

Иногда к пациенткам вторгались непрошенные гости. В основном, один - странная особь мужского пола определенного типа поведения. Время от времени он ярко возникал в темнеющих вечерних окнах и, кажется, держась только за воздух, своим полуобнаженным видом вульгарно поражал целомудренную жизнь женского общества.

Страдальчески гримасничая и воровато оглядываясь, он что-то лепетал, ища и часто находя самую догадливую и не стыдливую из пациенток. И тогда в ответ на эти призывы с громким хохотом и отчаянно весело задиралась пола халата, и обнажалось зрелое тело с темно выступающей гривкой под округлым белым животом. Тому только это и надо было: остолбенев на минуту, он юрко исчезал в темноте, оставив след своего посещения на стекле.

Его знали в лицо, сестры и санитарки

пытались выловить, подстергая, как хищного зверька, но это никогда не удавалось, настолько быстро и ловко, как ночной мотылек, он растворился в пространстве.

После подобного внезапного появления окна стационара наглухо закрывались шторами, затем выключался свет, и взбудораженное отделение медленно засыпало.

Почти физически ловлю движение мысли, следя за собой как бы со стороны. Ощущаю легкую, но увереннодвигающую меня силу providения.

И снова в них нет законченности, только растворенность...

Родители смотрели на меня, ожидая услышать какие-то подробности больничной жизни, но я молчала. Я думала о том, что им можно рассказать.

Конечно, про абортарий сразу было исключено. Больше ничего в голову не приходило. Какие у меня могли быть новости? Мне приятнее было слушать их.

Нарушила молчание мама: заговорила о доме, о моем муже о работе - будничном,

простом и человеческом, таком дорогом для меня, от чего я уже начинала отвыкать. Даже подрастеряла счёт дням. Оказалось, что в прошлое воскресенье, в праздник 1 Мая, была Пасха, а тепла, что обычно приходило в это время, нет, весна запоздала. И что скоро - Родительский день поминовения, и мы, хоть и не религиозная семья, но отмечаем такие дни. Мама все говорила и говорила, вводя меня в курс обыденной жизни и отвлекая от моих мыслей.

Мне же так много хотелось им сказать!

Но оказалось, что кроме как о своем тягостном состоянии, когда уже все так плохо, что планов на будущее никаких нет, кажется, рассказывать больше не о чем. А об этом я не могла вымолвить ни слова, понимая, что жаловаться не должна - это окончательно расстроит их.

Не могла я рассказать им и о том, что скрашивали мое время только три-четыре страницы старых кем-то оставленных журналов Мод да еще «картинки» из резких перепадов настроений лечащего врача, которые терпеливо сносились всем населением второго этажа.

Те знаменитые несколько страниц журнала! Как они будили воображение и вводили в красивую послеродовую жизнь! А

стройность и загадочность манекенщиц в элегантных нарядах были тогда для меня непостижимо прекрасны и оказались не просто пределом мечтаний, но и спасительным кругом. С ними я не расставалась ни на час, находя в них все новые и новые подробности, которые остались в памяти на всю жизнь.

Но особое, не сравнимое с другими впечатлениями, оставило свой след воспоминание о лечащем враче, в то время исполняющем обязанности заведующей отделением. Она была, как я сейчас понимаю, еще молода, лет тридцати, стройная, высокая брюнетка, с лицом пиковой дамы.

Однажды утром, шумно войдя ко мне в палату, в дверях заканчивая какой-то, начатый в коридоре беспокойный разговор, не измерив, как обычно, давление и близко присев ко мне на кровать, она задала странный вопрос:

- Как мы сегодня провели ночь? - Варвара Федоровна коротко, испытующе-проницательно взглянула мне в глаза и, видимо, не получив желаемой реакции, немного сбавила тон. - Смотрите, вы все тут зависите от меня... Ни на что не посмотрю, отправлю домой, если что замечу...

Так как ответа не последовало, она резко

встала и через секунду нервно вылетела за дверь. Ее обычно низкий голос, кажется, не прерываясь и доходя до визгливых нот, уже через секунду, распекал кого-то из медсестер.

Мое заторможенное после сна и лекарств состояние не позволило сразу последовать за ней, но властные и угрожающие интонации ее тона встревожили и неприятно кольнули меня.

Некоторое время спустя, я вышла из своего бокса в широкий больничный коридор и увидела все наше светское общество в полном составе.

Женщины прогуливались парами, стояли группками и сдержанно-оживленно, с улыбочками неожиданного постижения тайны, тихо и заинтересованно обсуждали новость.

Я нашла свою соседку через стену, также из бокса, Галечку, и мы, набирая общую скорость, пузатенькими дирижаблями, поплыли в общем потоке гуляющих рожениц по коридору. Она уже была в курсе произошедшего глобального события в нашем отделении и тихо рассказала мне все, что знала сама.

Утром, когда еще только рассвело, санитарочка, решив спуститься на первый этаж за баночками для анализов, вдруг

обнаружила наш выход на лестницу открытым. А, выйдя, услышала звук быстрых шагов по лестнице. Перегнувшись через перила, она увидела убегающего мужчину, который через мгновение скрылся в коридоре первого этажа.

На лестнице почему-то был выключен свет, и стоял полумрак. Испугавшись, ведь на ночь дверь закрывалась на замок, а посторонних здесь быть не должно, санитарка своим криком разбудила медсестру, и они бросились к кабинету дежурного врача, где отдыхала в эту ночь Варвара Федоровна.

А затем уже втроем они включили свет и исследовали все двери и коридор первого этажа. Никого там не обнаружив и не найдя следов взлома, они поднялись на второй, где дверь была так же открыта мирным путем.

Варвара Федоровна решила обследовать еще и лестницу, ведущую на чердак. И вот здесь они остолбенели, увидев на небольшой площадке, чье-то пристанище. На полу была раскинута постель, состоящая из матраса, нечистых простыней, подушки и одеяла. Молча постояв около ложа, возмущенно то краснея, то бледнея, Варвара Федоровна, не вступая в обсуждение, повела всех в отделение. А после вспыхнула инквизиторская проверка работающих и

больных.

Весь медицинский персонал второго этажа был подвергнут жестким расспросам Варвары Федоровны. Она вызывала к себе «на ковер» всех дежуривших в эту ночь медсестер и санитарок, не взирая на их возраст и семейное положение.

Расследование не подтвердило подозрений - весь коллектив был морально устойчив и идейно выдержан. Но упрямые факты говорили о том, что ночной гость был не одинок в своей постели. И тогда Варвара Федоровна принципиально продолжила начатое дело.

Вскоре к ней в кабинет потихоньку потянулись, вызываемые медсестрой из палат по одной, грузные, лежащие с угрозой выкидыша, пациентки нашего отделения.

Совершенно уверенная в своих притязаниях и, видимо, зная «тайные желания» женского пола в период патологической беременности, Варвара Федоровна откровенно примеряла ночное свидание к каждой больной.

Она сидела за своим двухтумбовым совершенно пустым столом, выпрямив спину, положив беспокойные руки перед собой и упираясь на них, по военному кратко выясняла:

-Была там...- не была?..

При ответе выискивала нотки неуверенности и беспокойность взгляда, зорко и подозрительно вглядывалась в женское лицо, казалось, подавляя великое желание крикнуть:

- Смотреть в глаза!

Но все было напрасно.

Вскоре исследуемый контингент, не вписавшись в состав преступления, обиженно молча дожидался ужина по палатам. Многим было понятно, что завладеть ключом от выхода на лестницу, иметь лишние постельные принадлежности, договариваться о свиданиях - это было не по силам даже для самой горячей любви пациентки второго этажа.

Видимо, к этой мысли позже пришла и Варвара Федоровна. Но это понимание не исключало в ней невысказанное мнение о всех женщинах, она глубоко уверовала в их пороки и общее падение нравственности.

Еще долго после этого случая Варвара Федоровна четко давала понять коллегам и роженицам свое отношение к ним пренебрежительным высокомерием и сухостью общения...

Эту историю я, конечно, не смогла рассказать родителям, стоя с ними в

больничной комнате. Не нашла слов по своей юности. Но незаслуженное оскорбление запомнилось и тогда остро полоснуло по сердцу. Наверное, этот случай окончательно завершил мое неприязненное отношение к больницам и к медицинскому персоналу вообще.

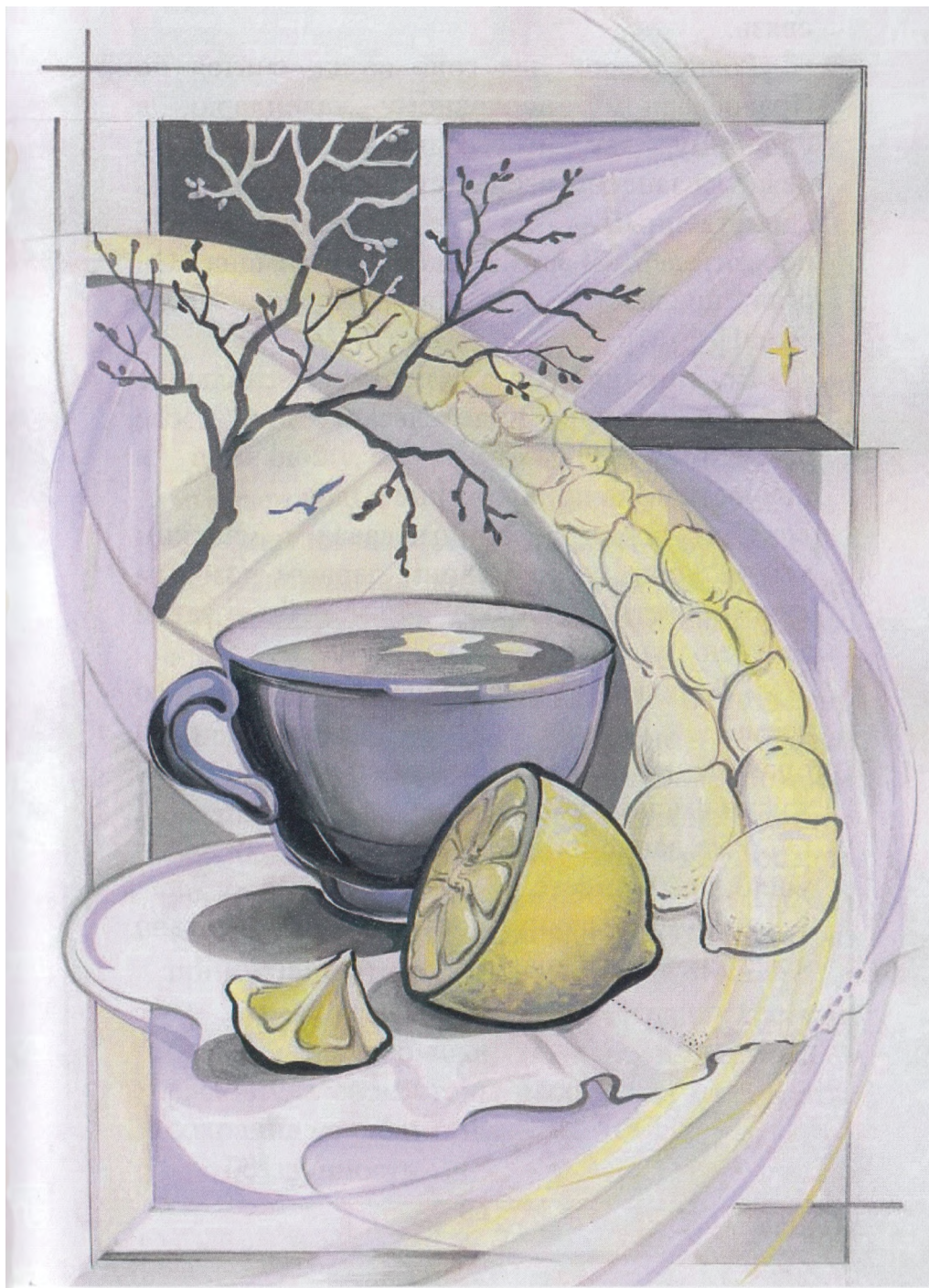
Впоследствии мы с сыном так и не смогли избавиться от этого чувства и изменить свое отношение к определенному типу людей из медицинской среды, интуитивно предполагая их роковую роль в нашей жизни. Видимо, отношение это у нас сложилось еще тогда до его появления на свет.

Рука провидения ощутимо ослабила свою силу...

Оглядываясь на цепочку своих воспоминаний, я увидела, как последовательно ткали её нить и вели меня по ней, заканчивая историю, которая предопределила источник горестных событий в нашей семье в дальнейшем.

Запахом лимона и еще чем-то неуловимым память возвращала меня именно в тот далекий год, протягивая живую незримость из прошлого.

И я поняла, уловила эту таинственную

Лидия Смирнова

связь.

Ровно сорок два года назад, считая по Православному церковному календарю, в Радоницу, как и сегодня, смешиваясь с нежным запахом весны, вторгся в мою жизнь единственный и неповторимый, поразительный аромат желтого лимона. Он стал предвестником дня рождения моего сына!

Ведь именно тогда, в первую Пасхальную неделю, накануне Родительского дня, после встречи с родителями в больнице я почувствовала приближение родов.

Сын родился ранним свежим майским утром, когда солнце своим первым розовым лучом осветило голубое чистое небо, а затем зеленеющую землю.

...Мысленно я сегодня встретила со всеми, к кому привела незримая рука провидения, осветив ещё раз главные в моей жизни имена и лица.

Уже давно на земле нет отца. Мама и сын ушли почти вместе.

А лимоны пахнут, как ни в чем не бывало и все так же оглушающе.

2006 г.

На черной полосе

Слышу, ощущаю. Смотрю в
мгновенье...

Завыло, засвистело, накинuloсь.

Извившись плотной гибкой серой лентой,
с неподвластной взгляду скоростью, Нечто
просквозило рядом.

Заунывным, запредельно и безнадежно
сильным ее потоком вынесло из моей
избушки дверь. Темным ромбом
распласталась она на гребне этого
беспощадного монстра, как на острие
бесконечной поблескивающей бритвы, и
скрылась с ним, показав мне свою щелястую
примитивность.

Такая маленькая, всегда крепкая
бревенчатая избушка, тоже не выдержала -
раскинула свои стены и оставила их лежать,
сохранив квадрат пола.

Беззвучность.

Издали, из воздушного пространства или с высоты дерева, я смотрела на свое крохотное разрушенное жилье, пусто думая о том, каким оно вдруг оказалось беззащитным.

...Не было вокруг ни снега, ни травы, ни тепла, ни холода, ни жилья, ни света, ни тьмы.

Взглядом ищу себя.

Может быть, это я нахожусь в квадрате сохраненного пола, как округлый комок жухлого снега или темноватый клубок старой шерсти? А может быть, как сгусток оставшейся плоти?

Одна.

2003 г.

Помеченные солнцем

Автобус вез Инну Васильевну в поселок Менделеева, который все в городе попросту называют Старой площадкой.

Это неофициальное название возникло давно - со времени становления молодежного города в глухой дальневосточной тайге и было непосредственно связано со строительством авиационного завода, который предполагалось возводить в этих местах.

Музейные архивы и рассказы первостроителей говорят о том, что уже к концу 1932 года были проведены топографические исследования и даже расчищена строительная площадка под главный механический корпус. Но затем место его расположения было пересмотрено. В результате стройку перенесли на пять километров западнее, которая вскоре и завершилась пуском известного в мире завода.

Но название Старая площадка закрепилось в народе, а поселок Менделеева, упоминается только в официальных данных.

Все эти мысли пришли в голову Инне Васильевне, проезжающей мимо многокилометровых бетонных стен, за которыми угадывались производственные корпуса и другие сооружения машиностроительного комплекса, так близко знакомого ей, что она давно уже ощущала себя составляющей частицей этого большого, действующего, хотя уже много лет без нее, организма...

Сейчас же Инна Васильевна стремилась попасть в место своей ранней юности и глубокой памяти по прошлому, которое тайно даже от нее самой, манило и привлекало ее всегда. Но постоянная загруженность делами - домом, семьей, работой не давала времени побывать здесь. И вот время встречи пришло, она была свободна от многих из этих забот - она была на заслуженном отдыхе.

Их разделяло сейчас километров десять и почти сорок лет ее отсутствия.

1.

Дорога круто повернула в сторону, повторив изгиб Амура, приближая автобус к массиву потемневшего от времени, но еще

крепкого частного сектора. Ожидалась первая остановка - «Старая площадка».

Пассажиры шумно задвигались, собирая свой багаж, заговорили, заранее готовясь к выходу. Инна Васильевна с любопытством и с грустью по ушедшим временам всматривалась в лица суетившихся людей, пытаясь среди них найти знакомых, возможно, ровесников или учителей. Но их, на первый взгляд, не оказалось.

И в это время с самых последних сидений, тесно заполненных сумками, возникла пожилая пара, кажется, тихо продремавшая всю дорогу и чуть ли не упустившая свою остановку. В два голоса всполошено зашумев, они поднялись, и, подхватив свои баулы, громко возмущаясь, не по возрасту энергично начали продвигаться к выходу объезжающего неровности дороги автобуса. Им мешали вещи других пассажиров, наставленные в проходе, но, не обращая внимания на препятствия и резво их преодолевая, они успевали по ходу громко переругиваться со всеми.

Такому бесцеремонному поведению возмущался весь автобус, но было бесполезно - старики никого не хотели ни видеть, ни слышать. Они в единодушном устремлении протискивались к выходу.

Что-то неуловимо знакомое мелькнуло в их лицах. Память сразу не нашла ответ, кого они ей напоминали.

Но вот автобус остановился, и среди первых пассажиров из него, злобно отдуваясь, вынырнула эта странная парочка. А затем, не глядя друг на друга, отчужденно и безглаголиво, порознь, но как бы связанные между собой незримой нитью, увешанные покупками и напоминая своей выносливостью лошадей в дальних экспедициях, они двинулись вглубь узкой улочки.

Выходя здесь же из автобуса последней, Инна Васильевна с удивлением узнала своих пожилых попутчиков. Это были Ермоловы, бывшие соседи по улице, родители ее одноклассницы Ольги.

Произошедшие с ними изменения поразили ее. И главное заключалось не столько в беспощадном отражении возраста, сколько в возникшей на их лицах, в голосах и в поведении какой-то дикой неприязни, кажется, ко всему живому, исказив этим их облик до неузнаваемости.

Она оторопело смотрела на них. Это не были следы обычных человеческих пороков, что могло бы оставить на внешности неизгладимый след. Видимо, были какие-то

другие обстоятельства, обладающие не менее сильным воздействием, притом, похоже, пережитые совместно, которые неумолимо вторглись в их жизнь, поселив там ненависть, злобность, недовольство друг другом, но при этом сохранив обоюдную зависимость.

«Видно, живут вместе, как два медведя в одной берлоге», - подумалось Инне Васильевне.

Инна Васильевна некоторое время смотрела им вслед, и очень давнее, никогда ни с кем не обсуждаемое, всплыло в ее памяти. Тогда она была подростком, еще только вступала в жизнь, но помнила тот случай.

Конечно, это был случай. Но сейчас, в силу своего возраста, она знала, что в жизни ничего случайного не бывает. По крайней мере, произошедшее с этой парой *тогда*, могло стать достаточной причиной для их перерождения.

Она еще не уверилась в своей правоте, не успела вспомнить всю историю до конца - слишком внезапной оказалась встреча. Тем не менее, этого оказалось достаточно для темы воспоминаний. В памяти произвольно всплыло то необыкновенное лето. Вспомнился ослепительный и испепеляющий зной бушующего солнца, который

безжалостно «накрыл», как покрывалом, дома, людей в них, возможно, даже «вспенил» их кровь и безжалостно повлиял на их отношения и решения...

Инне Васильевне стало жаль стариков.

Безжалостно время. Принимая человека в жизнь, оно с самого рождения привносит в нее разные варианты ее продолжения, а возможность следовать им дает только по одному шансу и сразу «набело» - без проб и репетиций. А человек бывает так слаб...

И позже, стоя на старой грунтовой дороге - пути в свое детство, в то незабываемое, когда краски окружающей жизни были разнообразней и ярче, в том месте, где когда-то существовали дома под тополями, теперь ставшими единственными указателями бывших дворов и переулков, Инна Васильевна вновь пережила то грустное и радостное, что соединяло когда-то разных, тесно живущих здесь соседями, людей. Появление же двух колоритных фигур Ермоловых, как живых героев из давно забытой пьесы, направили ее воспоминания к своей юности, к истокам взросления.

Из длинной, в полжизни, розоватой дали ушедшего времени всколыхнулись и явились, оживив фантомы домов и улиц, невыдуманные персонажи и события...

2.

Это было лето шестидесятых.

Солнце после длительного забытья бросило свой жар на влажную, упитанную многими дождями, землю. И живое зеленое разнотравье приняло это долгожданное тепло как сигнал к росту, цветению и размножению.

Деревья и кустарники день ото дня все более темнели листвой, запоздало показывая свое возмужание. Палисадники частных домов расцвели календулой, ромашкой и настурцией. Набирали бутоны гладиолусы и георгины.

Огороды радовали великолепной картофельной ботвой, в росте обгоняющей все овощное царство. А помидоры, вдруг, вспомнив цель своего появления в этой благодатной природе, стали натужно увеличиваться в объеме, пытаясь желтеть и краснеть своими блестящими нарядами. Их округлые формы упрямо выпирали из-под, казалось, плюшевой листвы, с любопытством взирая на мир и двигаясь к солнцу. Всё это сопровождалось невероятным разнообразием свежих стойких запахов и нежнейших ароматов. Сливаясь в единую гамму воздушных волн и потоков, сложившийся многоголосый концерт в созвучии с жаром

солнца оглушающе действовал на живущих рядом людей, ворвавшись в жизнь каждого из них и не оставляя равнодушных...

Утро. Инна неторопливо вышла на крыльцо. Было около девяти. Солнечные лучи еще только набирали силу и цветом незрелого абрикоса нежно поглядывали на капли росы - они переливались в ответ веселыми искрами радости быстротекущей жизни.

Девушка медленно, как замороженная, пошла по мягкой травяной дорожке, рассекающей пополам небольшой огородик. Сразу стали влажными босые ноги и подол платья. Запахло мятой. Инна провела рукой по высоким помидорным кустам, стоящим вдоль ее пути, слегка задела зонтик укропа, и ее обволокло ароматом яркого лета.

Каникулы, каникулы, а значит - свобода, волшебное время.

Она окончательно проснулась и уже энергично походила по дорожке, шутя потоптав траву, и подошла к своему любимому Барсику. Он хоть и не сторожевой пес, но был на привязи. Как охотничья собака (это был ирландский сеттер), он имел предобрый характер и поэтому очень просто мог попасть, особенно ночью, в чужие руки.

Инна отвязала его, села на высокое

крыльцо и расплела русую косу, вольно распустив волосы. Задумалась. Мечты, смутные планы, бесконечная жизнь впереди. Ее очертания так неясны и расплывчаты, нет желания достичь чего-то определенного... Изменилась внешность - появились женственные формы, больше самостоятельности и смелости в поступках, суждениях...

Родители, конечно, также видят взросление дочери, поговаривают о профессиях врача или адвоката, планируют дать хорошее образование своей единственной, отличнице. Но все это еще так далеко! « Все это будет не скоро, впереди еще два года учебы в школе», - думает Инна, наслаждаясь солнцем.

Постепенно утренняя прохлада уходила, начинало припекать.

Все мысли Инны переместились на отдых. В такую жару только и хочется - на пляж да скорее попасть в прохладные воды Амура, на водную станцию, где есть бассейны, в которых можно безопасно поплавать, а потом - загорать, загорать, сколько душе угодно. И впереди целый день солнца, ветра и бездумного времяпрепровождения среди подруг...

Правда, еще ждут произведения

классиков, которые нужно прочесть за лето. «Нет, все потом, потом, еще успеется, время есть», - думала Инна, убирая дом.

Она поглядывала в окно, ожидая подруг. Улица была пуста, будний день - взрослые давно на работе, все остальные прятались от солнца по домам.

В очередной раз взглянув в окно, Инна увидела женскую фигуру,двигающуюся с автобусной остановки в сторону домов. Она узнала в ней тетю Аню Ермолову, ближайшую соседку, их дома разделяли только огороды и межа.

Несмотря на жару, она была в форменной одежде: темно-синяя плотная юбка и гимнастерка с длинными рукавами, на голове - берет. Ее нестройную талию косо охватывал широкий кожаный ремень с блестящей пряжкой, а сбоку красовалась кобура от револьвера. Видимо, она возвращалась с ночного дежурства, все на их улице знали, что работает она в заводской охране.

Шла тяжело, размеренно ступая длинными шагами, странными для ее небольшого роста, быстро приближалась к дому.

Голубые прищуренные глаза на когда-то миловидном лице смотрели тускло и сурово.

Губы были великоваты для ее рта, и она их постоянно собирала вместе так, что те казались нанизанными на тугую резинку. Она слегка пришепetyвала в разговоре, но говорила всегда мало, не создавая впечатления, что слышит собеседника.

Несмотря на отсутствие симпатичных внешних данных, она была все-таки привлекательна какой-то неторопливой уверенностью и основательностью в своих действиях, казалось, она носила в себе какую-то тайну - терпеливо и значительно. Она, соседи это знали, была хорошим стрелком на службе, всегда поражающим цель без промаха, за что имела звание отличника боевой подготовки. Это обстоятельство вызывало особое мужское одобрение, среди соседей было немало охотников и отставных военных. Но откуда взялись такие исключительные способности у женщины - природные они или приобретенные - не знал никто.

О семье Ермоловых вообще знали мало, что в то время было большой редкостью, так как секретов никто ни от кого не держал. Население в городе состояло только из приезжих, поэтому отсутствующую родню людям заменяли соседи, которые всегда находились рядом.

Но Ермоловы были другими, они жили тихо и необщительно. И даже их дочь Ольга, одноклассница Инны, никогда никому не рассказывала о своей семье.

Знали, что отец ее, дядя Ваня, был пожарным, он всегда ходил в форме и что умел мастерски забивать свиней, в чем помогал всем соседям зимой, а где-то под Хабаровском жила их старшая замужня дочь.

Сама Ольга тоже была непонятной и казалась странной среди сверстников. При своей необаятельной внешности - маленькая, круглая, как колобок, с не по-возрасту развитой грудью, тощими короткими косками и очками с сильными линзами, всегда криво сидящими на круглом лице, она имела характер довольно высокомерный. В классе она казалась старше других, но училась очень удовлетворительно.

Сейчас Ольга гостила у сестры, исчезнув как-то незаметно и не попрощавшись ни с кем из одноклассников. Поэтому старшие Ермоловы летом были одни, и их жизнь протекала почти незаметно для окружающих.

Посаженный ими огород, как у соседей, зеленел картофельной и помидорной ботвой, но своей неухоженностью давал понять, что радости он у хозяев не вызывает. Похоже, их

больше интересовал сарай. Обычно, придя откуда-то и всегда быстро пробежав через грядки, они поочередно скрывались в нем, и вскоре оттуда начинали разноситься резкие куриные голоса и требовательное хрюканье. Результат этих заходов был виден сразу: в раскрытых ладонях торопливо покидающих сарай хозяев белели куриные яйца.

Вот и сейчас Инна увидела, что тетя Аня, уже переодевшись в шелковый халат, вышла с миской на крыльцо, видимо, намереваясь проверить свое хозяйство. Насмотревшись на посадки и оценив их у соседей, она, гулко шлепая босыми пятками о тапки, двинулась сквозь огород к сараю. На этот раз пробыла недолго и под аккомпанемент птичьих громких возмущений неторопливо вышла оттуда с миской яиц, розовая халатом и гордостью.

Наступало обеденное время. Солнце ликовало на совершенно безоблачном глубоко-синем небе, предвкушая новый знойный день.

Инна наконец-то дождалась своих подруг, и неразлучная троица упорхнула на пляж, на простор воды и бездумного летнего счастья.

А улица, ненадолго оживившись голосами соседей, спешащих в магазин, снова обезлюдела. Затем, окутанная желтым

маревом, стала как бы уменьшаться в объеме, погружаясь в царство пекла, невольно ловя неисчислимое количество отпущенных солнцем лучей, безропотно принимая их жала в себя и накапливая энергию каждой клеточкой.

3.

Городской пляж, который находился на водной станции, олицетворял собой мир праздника отдыхающих и мечты работающих.

Голубые с белым дощато-ажурные стены водной станции, современные в то время по своему архитектурному замыслу, сияли свежей краской и, принимая все новые порции желающих отдыха, казались резиновыми. Нагруженные сумками с продовольственными припасами и спортивным снаряжением, люди группами и в одиночку двигались с автобусной остановки к реке. Было шумно, весело и радостно.

Здесь принимали всех, приветствуя громкими звуками радио и слегка трепещущими на легком дуновении стягами и разноцветными флажками.

Купив билет и оказавшись на территории пляжа, отдыхающие попадали в место, казалось, отгороженное от изнурительного

солнечного зноя, бодрящего и освежающего одним только видом массива воды, в место бесконечно счастливых голосов и улыбающихся лиц.

На песчаном, светлом и чистом берегу часам к двенадцати уже трудно было найти свободное место. Опоздавшим приходилось расселяться дальше от воды - на траве и даже под деревьями, у забора - на границе пляжа. Целый день работал буфет с непрерывной очередью осаждавших его с целью приобрести там свежие пирожки и ситро.

Заполненными были и два «солярия», представляющих собой отгороженные дощатым забором места для желающих позагорать на деревянных лежаках.

На пляже не только отдыхали, играли в волейбол, наслаждались плаванием в бассейнах и в открытой воде, но и знакомились, влюблялись, назначали свидания и просто отходили от житейских проблем.

Подруги пришли в этот городской «рай» не первыми. Они перешагивали через кучки оставленных на песке вещей счастливиц, уже плещущихся в воде, а то и через горки песка, повторяющих очертания человеческих тел, прогревающих или охлаждающих себя таким способом. Медленно двигаясь в

поисках места в этом заполненном уже, кажется, до невозможности мире блаженства, девушки смогли, наконец, найти для себя пяточок песка только на краю пляжа, около спасательной станции.

Быстро побросав одежду на песок, Инна с Катей через минуту были в воде. Галя, не торопясь, разделась, собрала вещи вместе, расстелила длинное полотенце и расположилась на нем лицом к воде.

Оставшись одна без окружения подруг, Галя снова вспомнила утренний разговор с мамой, который встревожил ее. Мама не очень хорошо себя чувствовала уже несколько дней и должна была сегодня пойти на прием к врачу. Она никогда не жаловалась дочери на здоровье, но Галя видела, что последнее время она приходила с работы усталой, и, медленно переодевшись и слегка перекусив тем, что приготовила дочь, ложилась в постель, накрывшись одеялом. Даже разговаривали они теперь мало, как будто ей и это давалось с трудом. Она стала совершенно не похожей на себя, всегда бодрую и уверенную, знающую ответы на все вопросы. В их доме повис холодок грусти.

Первой выбежала из воды Инна и, отжимая двумя руками волосы, убеждала Галю войти в воду.

- Да, ты не заплывай далеко, как всегда, просто окунись, такая теплая-претеплая вода.

Тут выпрыгнула на песок с пригоршней воды Катя и с радостным визгом вылила ее на не успевшую уклониться Галю. Теперь визжали и хохотали все вместе.

Вскоре Галя уже была в воде. Она хорошо плавала и не боялась течения, заплывала далеко за буи. Подруги наблюдали за ней, прыгая и крича на берегу.

Потом они долго лежали втроем на песке, разговаривая ни о чем и о главном, не понимая, что это время останется в их памяти на всю жизнь, как окончание эпохи детства. Скоро они неожиданно быстро станут взрослыми и должны будут полностью отвечать за себя.

- Девочки, еще два года и мы - самостоятельные люди. Так хочется уйти из дома... - задумчиво проговорила Инна.

Катя с Галей понимающе взглянули на нее:

- Из-за отца?

- Да. Пока трезвый - нормальный человек, а как выпьет - скандалы... Надоело. Школу закончу - уеду, пойду в медицинский. Там, правда, химия замучает, но как-нибудь выживем.

Галя вдруг заинтересованно

переспросила:

- Химия? Мне химия нравится... Я, девчонки, еще серьезно не думала, куда пойду после десятого. Мама считает, что лучше закончить экономический, как она. А мне это неинтересно. Кать, а ты, что молчишь?

Катя, прищутив голубые глаза и улыбаясь, рассеянно слушала подруг. Она была занята тем, что рассматривала, стоящего на вышке спортивного бассейна, высокого парня в черных «семейных» трусах, который уверенно готовился к прыжку. Вот он подпрыгнул на доске и, перевернувшись в воздухе, очень красиво, почти без брызг вошел в воду. Вскоре появился на поверхности и, высоко держа голову над водой, вразмашку поплыл к концу бассейна. «Деревня...», - презрительно подумала Катя, но пронаблюдала, как парень вышел на берег, попрыгал на одной, другой ноге, наклоняя голову, затем взял свои вещи и неторопливо пошел по кромке воды, небрежно рассматривая загорающий народ. От наблюдения ее оторвали подруги.

- Кать, ау! Говори быстрее, чем будешь заниматься после школы? Да куда ты смотришь? Фу, что ты в нем нашла? Неандерталец какой-то...

- Я-а-а? Ничего пока не могу сказать об этом. Не знаю. Что-то мне ничего не нравится... Мать с братьями, наверное, не дадут мне долго учиться. Замучили своей прополкой, коровой, вот еще дом не достроили... Все быстрее им, быстрее подавай, - милое Катино лицо с чуть подкрашенными черной тушью ресницами - и когда только она успела! - приобрело озабоченное выражение.

- Давайте, девчонки, собираться. Сегодня мне точно достанется. Дома ведь не знают, куда я исчезла, даже не успела полы помыть, - вдруг заспешила она. И подруги начали одеваться.

Послеобеденное солнце, щедро расточая свою энергию, жгуче слепило им глаза на всем пути от водной станции до развилки дороги, где они разошлись в разные стороны.

4.

Проходили дни, но погода не менялась: солнце все так же, то ли по забывчивости, то ли испытывая горожан на терпимость, по знаку невидимого дирижера расплавлено повелевало небом, источая оранжевый жар.

Земля трещала и пылилась. Все живое изнывало от жажды.

Вечерами, после работы, люди длинными

плотными очередями выстраивались у колонок с водой и, наполняя всевозможную посуду, разносили и развозили ее по дворам, крохотными порциями отпаивая свои посадки.

Закончив домашние дела и поужинав, семьи дружно рассаживались в своих двориках отдохнуть, поговорить, а то и себя показать в новом сарафане, халате или рубашке. И тогда в прохладе вечера улицы приобретали оживленный почти праздничный вид, украшаясь негромкими разговорами, шумом играющей детворы и велосипедным движением на дорогах.

Не исключением из их числа была и семья Инны. Она тоже отдыхала на воздухе, включая кошку Мурку и известного всей улице редкостью породы Барсика. Так как до полочки было еще далеко, ничто не нарушало покой семьи. Василий Петрович, отец Инны, будучи незаменимым специалистом по механической и электрической части на нижнем лесоскладе, считался заядлым охотником и рыбаком-любителем, а в быту - немногословным и обаятельным человеком, обычно в такое время рассказывал о работе, о рыбалке и мог быть доброжелательным слушателем разных домашних новостей. Мать Инны, Анастасия, женщина спокойная и

уравновешенная, по мере сил способствовавшая комфорту семьи, в такие дни наслаждалась покоем.

Сейчас они тесно устроились рядом: мать - на ступеньках крыльца, отец на завалинке, дочь встала рядом. Отец задымил папиросой и рассказал, как он в обеденный перерыв искупался в Амуре, спасаясь от жары:

- Воды много в это лето, видно, все ледники в горах растаяли на таком солнце. Поставил я закидушки: решил наловить касаток и плетей, разделся, сижу на берегу. Рядом никого, все пошли обедать в столовую. Думаю, дай окунусь немного. Заплыл, вода тихая, теплая, как в ванне. Плыву дальше - вспомнил молодость, всегда плавал-то хорошо. А передо мной - просто тишь да гладь, ни течения, ни соринки. Уж отвел душу, наплавался. Потом подустал немного и решил отдохнуть около нового затопленного столба, там их успели наставить, но проводку еще не провели. Доплыл до ближайшего. От него до берега - метров десять, какая здесь глубина, не знаю. Обхватил столб руками, спускаю ноги по нему, достал до дна. Глубина оказалась мне по грудь. Не успел опустить руки, как вдруг подо мной что-то зашевелилось скользкое, большое. Понял - рыба. А она мотнулась под ногами - пытается

освободиться. Я прижал сильнее, набрал воздуха и - под воду. Схватил рыбину обеими руками, тащу вверх. Вынырнул, вижу в руках у меня сом - здоровенный старый сомяра... Выскользнул, не удержал я его. Вот это случай! Такое впервые со мной.

С просветленными глазами Василий Петрович закончил необычно длинный для него рассказ.

Мать и дочь с удивлением и восторгом слушали его, переспрашивали. Все долго не могли успокоиться, разговорам, кажется, не мешали даже хоры заполнивших воздушное пространство комаров и мошки. Вспоминали, как рыбачили на Волге и как однажды за целый день поймали только одного ершика, которого выпустили назад в реку из-за его размера и воинственно растопыренных колючек...

Потом родители еще много говорили о неизвестном Инне времени до ее рождения, о каких-то мелких и существенных только для них двоих событиях совместной жизни, окутывая все недосказанностью чувств, предполагающих тайну сокровенного, семейного и домашнего. Было уютно, душевно и покойно от их слов, интонаций, можно было слушать и не слышать их голоса, уходя в свое предстоящее, туманное и

прекрасное, во взрослое и неизведанное... Мечталось... Кажется, Инна плавала на нежном, бело-розовом душистом облачке в голубой бездне мирно дремлющего бесконечного воздушного потока: свет, радость, доброта и любовь правили там.

А день заканчивался, и солнце алой растопленной массой закатывалось за сопки, просветляя воздух и давая второе дыхание городу. Звуки стали четче, голоса громче. Запоздавшие поселяне, изредка появляясь на гулкой улице, спешили по домам отрешиться от дневных забот и избытков солнечного хмеля.

Вот из-за угла, слегка оттопырив локти согнутых рук, как птица не успевшая поднять крылья, появился и быстро приближался к своему дому сосед дядя Ваня. Его прожженное солнцем и, кажется, непромокаемое под дождями солдатское обмундирование в виде брюк и гимнастерки, плотно затянутой широким ремнем, довершали несносимые во времени кирзовые сапоги, которые, вроде, и не мешали его упругому движению. Вместе с легкостью и стремительностью походки сходство с крупной птицей ему придавал и нос с горбинкой на сухощавом лице под шапкой стриженных темных волос, помеченных

первой сединой. Что-то казацкое от шолоховских героев было в его внешнем облике.

Увидев соседей, он поздоровался, и, не меняя скорости, скрылся в доме, затем вновь появился уже распоясанный и с миской в руке. Конечно же, его интересовал сейчас только сарай, куда он и направился, грохоча обувью. Испуганно вскрикнуло пернатое стадо, и дядя Ваня появился вновь. Видно, поиски не увенчались успехом, что грустью и недоумением отразилось на его лице. Инна, наблюдавшая за ним машинально, как за новым объектом в старом пейзаже, заметив полупустую миску, подумала о скорости вынашивания курами яиц.

Замедленной походкой, явно что-то обдумывая на ходу, дядя Ваня ненадолго скрылся в доме. Уже через минуту он вышел с эмалированным тазиком в руках, и с высокого крыльца оглядев огород, энергично вклинился в высокую дремучую ботву своей помидорной плантации. В результате оказался недалеко от отдыхающих соседей - семьи Инны.

Разговор родителей прервался, а, возобновившись, перешел на обыденные темы. Инна в нем участвовала мало, ее начали одолевать комары. Она сломала ветку тополя

и пыталась ею отмахиваться, но большого эффекта это не принесло, и она раздумывала, чем ее можно заменить.

В этот момент общим объектом внимания ее семьи оказался дядя Ваня. В поисках зрелых помидоров ему приходилось разъединять разросшиеся кусты, низко наклоняясь над каждым. Он стоял в центре своего поля и, переломившись пополам на широко расставленных и согнутых в коленях ногах, раздвигал ботву вытянутыми в стороны руками, поворачиваясь от одного куста к другому. Его оттопыренный зад, обтянутый старой диагональю, энергично двигаясь по кругу, откровенно обособился, чем непроизвольно привлек внимание Инны, ей стало интересно наблюдать. Вскоре она жадно и пристально всматривалась в натянутое полотно его брюк в нужном месте, пытаясь отыскать там малейшие намеки на, казалось бы, должны быть проступающими сквозь ткань рельефные особенности физиологии мужского тела. По ее представлению и знанию анатомии, в такой позе, там, между ног, должно было выпирать или бугриться. Дядя Ваня крутился волчком, его голодный желудок требовал еды и заставлял быстро искать ее, так что Инна могла его хорошо рассмотреть. Но она не

смогла обнаружить то, что так страстно хотела, там почему-то ничего не было, все было гладко...

Она стояла, прижавшись спиной к высокой завалинке, почти вжавшись в нее, боясь быть замеченной и застигнутой за своим запретным и постыдным, как ей казалось, занятием. Внезапно она почувствовала, как на низ ее живота навалилась незримая непонятная тяжесть; уже через миг, ощутимо и приятно отозвавшись где-то внутри нее и полыхнув жаром, эта сила сдвинула ей ноги и, вытянув ее тело вверх, заставила замереть на месте, натянув струной и не давая свободы. Инна была в полуобморочном забытии.

Так продолжалось какое-то время. Вдруг ее коснулась брошенная кем-то извне мысль о том, что отец может обратить на нее внимание и понять *это* состояние, Инна в страхе мгновенно очнулась от томления. И неожиданно для себя легко оторвалась от своего места и молча, увлекаемая неведомым туманным облаком, пошла в дом. Перед входом, на верхней ступеньке крыльца, её боковое зрение зафиксировало брошенный ей вслед взгляд дяди Вани, продолжавшего автоматически шарить руками в помидорных ветках.

Инна была потрясена пережитым ею состоянием. Она мысленно стыдила и корила себя за любопытство и ещё непонятно за что. В конце концов, её успокоило то, что никто не видел случившегося. И она, убедив себя в этом, поклялась никогда никому о случае не рассказывать. Это была только ее тайна.

Но она ошибалась. Позже поняла, что каким-то необъяснимым образом ее посыл был получен адресатом.

5.

Солнце праздновало свою победу еще долго. Оно пело и веселилось, методично палило с небес золоченым плеском и подчиняло ритму своих божественных волн жизни многих людей, заставляя пульсировать их сердца в частоте своего дыхания, и этим властно подчиняя себе каждого.

Но по законам природы все течет и изменяется. Однажды ночью над местечком нежно прошелестел, дыхнув в лица людей свежестью с привкусом остывающей печки, короткий дождь. Потом слабые ветерки надули слепые дожди. Дети бегали по грунтовым дорогам под струями коротких дождей, во весь голос распевая: «Дождик, дождик, пуще. Дам тебе гущи...» Инна также прыгала и танцевала, веселясь, у себя во

дворе под сплошным потоком теплого ливня.

Восторг и очищение принесли небеса. Зеленый покров растений засветился всеми оттенками малахита, прибило пыль, чистый воздушный коктейль озона с кислородом вдохнул свежесть и силы во все существующее.

Но солнце своих позиций не уступило, оно давало лишь короткие передышки от себя прекрасного, и еще было полно эмоционального вдохновения, вовлекая безропотных в обманчивые игры.

В союзе солнца и воды набирали соки дары тайги. Так незаметно созрела голубика. Горожане массово выезжали на сбор ягоды.

Дорога была всем известна - на озеро Хорпи. Лодки потянулись в заветные места: Амуром по руслу или по протоке вдоль совхозного острова, вниз по течению доходили до короткого естественного канальца, и вскоре желающие попадали в спокойное «блюдо» воды, сплошь покрытое желтыми кувшинками с берегами, полными ягод.

Она настолько густо покрывала невысокие кустарники, что вся ягодная плантация, окаймляющая озеро, приобрела сизо-синий цвет, особенно яркий на фоне зеленой полосы тайги.

Ездил за ягодой и семья Инны. Набрав втроем два ведра и искушенные голодными комарами, они постарались быстрее выбраться из заболоченных мест и вернуться домой. Тогда Инна впервые в жизни увидела колеблющийся на волнах ковер из воскоподобных лепестков водяных лилий, кажется, впитавших нежный колер солнечного света. Она пыталась собрать из них букет, но обнаружила уходящие куда-то в водную глубь хитросплетения из множества гибких жестких стеблей. «Нет, не набрать», - подумала Инна и выпустила из рук эти трудно поддающиеся ее нажиму волокна.

Засобирались и Ермоловы: Анна приходила за лишним свободным ведром к Анастасии. Уже с раннего утра, обвешанные тарой под ягоду, они двинулись на лодочную стоянку.

6.

Вечером, после ужина, семья Инны расположилась на крыльце дома: пес улегся неподалеку, кошка села на завалинку.

Отец пришел рано, без задержек, и все были в хорошем настроении. Он закурил папиросу, пуская дым, как считал от комаров, которые окружили его в несметном количестве.

Наступило спокойное предзакатное время - любимое время посельчанами, когда можно отдышаться от жары, пообщаться и обсудить накопившиеся за день вопросы. Мешал только разнородный кровожадный гнус, который вместе с прохладой усиливал свой виртуозный гимн и уже до густоты наполнял сиреневый воздух вечера.

Мирную картину семейных идиллий нарушали только Ермоловы, которые почему-то поодиночке возвращались домой со сбора ягод. Сначала прошествовала, как пережившая ураган, Анна, теперь же, странно опустив голову в поднятые плечи, появился на пустой дороге Иван. Он шел неторопливо, что было необычно для него, чуть ли не загребая сапогами дорожный гравий, неся за спиной полупустой солдатский рюкзак.

Соседи видели, как он поднялся на крыльцо, автоматически пошарил в знакомом месте ключ..., но, видно, его там не оказалось. Иван резко вскинул голову на окно, и в крайнем изумлении от своей догадки, неожиданно развернулся, готовый бежать, но ноги, независимо от него, уперлись в деревянные ступени. Он некоторое время постоял, опустив голову, тупо глядя на них, потом, не сходя с места, уселся на ступени и разулся. Затем тяжело

поднялся и, обреченно опустив плечи, как-то боком стал протискиваться в открытую дверь и тихо растворился в пустоте коридора.

Не прошло и минуты, как дверь с грохотом раскрылась, чернея проемом. Через секунду соседи увидели пятившегося из темноты на четвереньках Ивана, который медленно выползал на крыльцо. Таким же образом, пятками вперед, он двинулся вниз, заворочено перебирая коленями ступеньки, упираясь в пол руками и напряженно всматриваясь в коридор, из которого вылез.

Вдруг в проеме возникла фигура Анны. Иван замер. Анна стояла, возвышаясь над ним, в руке был зажат револьвер. Их разделяло не больше метра, но так далеки они друг от друга еще никогда не были. Ее лицо выражало суровость и решительность, рот собран в тугий узел. Молча, видимо, между ними все уже было сказано, и в действиях Анны Иван не сомневался, он сделал еще одну попытку уйти, замирая от страха.

Анна, ловя каждое его движение, автоматически передвинулась за ним. Ее сухое горло проскрежетало:

- Собаке - собачья смерть! - она поделовому просто и привычно подняла револьвер, целясь в голову Ивана.

Иван издал вопль и высоким голосом по-

сорочечьи заверещал:

- Не убивай, не убивай, не убивай! - и, пользуясь некоторой оторопелостью Анны от звука его голоса, юрко двигая телом, как ящерица, заскользил вниз.

- Нюта, Нюточка..., пощади.

- Заговорил, подлец, страшно стало? Молчи, умри, как мужик, - прикрикнула она на Ивана.

- Не надо, не надо..., - мельтешил он словами. От страха Иван не мог выговорить ничего другого, жена, кажется, как смерть, накрывая своим плащом, стояла над ним. Уж ему-то был известен решительный нрав и твердая рука Анны.

- Аннушка, Нюточка, ты одна у меня, родимая моя, кровинушка... любушка..., - уже почти высвистывал он, потеряв человеческий голос.

Анна медлила, удивляясь его словам, которых много лет от него не слышала. А он, все больше просветляясь умом, складывал неровные звуки в членораздельное:

- Ласточка, солнышко, любушка, не убивай, - и, как последний аргумент, выкрикнул, стоя на коленях и упираясь одной рукой в деревянный настил и протянув к ней снизу другую руку: - Бес попутал, бес виноват. Пощади, - и упал на бок, заходясь в

бесслезном плаче.

Он съежился и сложился - там, внизу крыльца, червяком, дрожа плечами и спиной. Стал таким маленьким и совсем непохожим на ее мужа, того Ивана, которого она всегда осознавала мужчиной.

Кровью облилось женское сердце Анны. Жалость и брезгливость к Ваньке опустилась на нее (с небес, что ли?) теплым туманом, ослабляя зрение и руку с оружием.

- Живи, - скорее для себя произнесла Анна.

Она постояла некоторое время наверху, трудно дыша, затем сошла вниз; почти перешагнула через Ивана, и медленно двинулась по тротуару вдоль забора в соседний двор, откуда семья Инны потрясенно наблюдала эту сцену.

Глядя на Анну, входившую к ним в калитку с револьвером в руке, семья Инны молча ждала ее приближения.

- Ваньку чуть не убила, - тихо сказала она, подойдя.

Анна нетвердо держалась на ногах, взгляды ее блуждал, волосы прилипли ко лбу, лицо было мокро, как сбрызнутое дождем.

Первым пришел в себя Василий Петрович, окликнул жену, и они, взяв Анну под локти, ввели в дом, посадили на кушетку.

Потом он забрал из отвердевшей руки Анны револьвер, разрядил его, отложил и прикрыл полотенцем.

Анастасия быстро сделала крепкий сладкий чай, дала кружку Анне. Та не смогла её удержать, чай плескался в руках. Пришлось напоить - она безропотно глотала, понемногу приходя в себя.

Чуть позже Анна рассказала, как они ездили с Иваном за ягодой, и что произошло сегодня в лодке.

7.

Лодка была самодельная, деревянная, с узким дном - вертка.

Иван сидел на корме, держа одной рукой руль подвесного мотора, который медленно тащил лодку вверх по течению к городу. Анна расположилась напротив мужа на небольшом сидении в середине лодки. Их разделяли два ведра с ягодой, заботливо поставленные Анной и обвязанные ее платками. Остальную ягоду они разместили в носу лодки, насыпав ее прямо на брезент, расстеленный на дне.

Анна немного устала и, радуясь покою и ветерку, освежавшему ее покрасневшее от жары лицо, почти задремала. Много собрали ягоды, но не жалко времени: «Теперь хватит и старшей, как-то надо ей переправить в

Хабаровск», - думала она. Мысли текли плавно и тягуче, почти беззаботно. Но какая-то тайная тревога вдруг коснулась их, и мысли улетели без следа. Она открыла глаза, огляделась, река также тихо несла свои воды. Необъяснимое предчувствие беды не проходило, тупо, леденя сердце, остановилось где-то в груди.

«Скоро вечер, а мы только возвращаемся. Иван тоже, видно, устал, молча сидит за мотором. Да и вообще он сегодня какой-то сам не свой, весь день молчит, словом не перекинулись...», - подумала и встретила странный взгляд Ивана, который, не мигая, смотрел сквозь нее.

Анна некоторое время вглядывалась в его светло-голубые мерзлые глаза, не понимая его состояния: смотрит и не видит! Таким она его еще не знала. «Хорошо, что Амур сегодня почти пустой - рабочий день, лодок не видно, а так бы уже столкнулись с кем-нибудь», - Анна решила окликнуть мужа. Иван отвернулся.

Лодка шла вдоль совхозного острова, поросшего тальником. Мелкие желтые волны расходились от её носа, с илистой тяжестью растворяясь за кормой. И снова Анна поймала на себе необычный, слюдянистый взгляд мужа...

- Ты что, Вань? - не выдержала она. -
Чего чудишь?

Иван молча, всем корпусом отвернулся от нее, - теперь его профиль четко, идиолом, вырисовался на фоне реки и замер.

Ветер стих. Солнце тяжело катилось на запад, обливая их липким от близкой воды, жаром. Молчали. Анна тревожно поглядывала на мужа, не зная, чего ожидать от него дальше. Она вспоминала события последних нескольких дней, непонятную его резкость и молчаливость, отстраненность от нее и даже брезгливость.

Тогда она не обратила на это внимания и уж, конечно, не думала о существовании каких-то особенных причин изменения отношения к ней.

А тем временем неуловимо для восприятия что-то менялось вокруг них. Как бы сгустился воздух, или кто-то невидимый накрыл своим прозрачным и плотным покровом лодку, отчего труднее стало дышать. Глубокое чувство необъяснимого беспокойства охватило Анну, она, не подавая вида, озиралась на реку, сопки. Ивана же, казалось, ничего не трогало - он все так же, не меняя позы, застыв, сидел на корме.

И вдруг что-то тонко, почти звеняще, прошелестело рядом, Анна ничего не успела

понять, только пахнуло холодом от резкого мощного движения, как из не растаявшего ручья в распадке. Ей показалось, будто кто-то метнул между ними острый топор, и острие вмиг сделало свое дело: разъединило их, и лопнула, исчезла годами наработанная, семейная связь, как пуповина или натянутая тетива лука, дав одновременно ему - радость, ей - боль.

Анна хотела протянуть к Ивану руку, но не успела - увидела, как вся его сухощавая фигура стала принимать какую-то другую форму. Его рубаха стала медленно наполняться объемом из мышц, а может, из ветра, отчего он увеличился, чуть ли, не вдвое, ужаснув ее этим. Затем муж резко повернулся: на Анну смотрели его светлые, но измененные до неузнаваемости, почти белые, льдистые глаза, будто лишенные зрачков. Grimаса ненависти искажала его натужно покрасневшее лицо.

Его рот как выплюнул ей в лицо:

- Пошла вон! Убью!

Она не верила своим ушам - это был не ее, всегда послушный, Ваня... «Вот таким он забивает свиней, а там он - мастер» - промелькнула у нее невольно мысль. Но его взгляд и движение руки к веслу, молча сказали о реальной для нее опасности:

Лидия Смирнова

«Озверел. Убьет».

Она разлепила вмиг спекшиеся губы и спросила совершенно спокойно, самообладание и здесь не покинуло ее:

- Куда, Вань?

Он без раздумий кивнул ей на воду:

- Туда. За борт!

Она посмотрела на реку, остров. Амур был пуст. Её оглушила дикая злоба, лицо исказила гримаса первобытной ярости, глаза засветились желтым огнем. Она вдруг почувствовала, что через секунду уже не будет принадлежать себе, что в ней возникла гигантская разрушительная сила, способная разнести в щепки не только лодку, но и разорвать в клочья Ваньку и даже, казалось, прорубить просеку на склонах сопок... Но вдруг отяжелела и пронзительно заныла ее правая рука: «Револьвер!».

Возможно, Анна и поддалась бы пришедшей дьявольской необузданности, если бы на краешке сознания не мелькнула мысль о револьвере. Рука, ее родная правая рука, просила оружие! «Если бы был с собой наган...», - полоснула мысль о своем друге по службе. Но он остался дома. Он - ее многолетний помощник - и сейчас оказал ей услугу, вернул к действительности. Она была благодарна ему, как живому существу.

Ярость, пеной спустившись с головы к ногам, ушла в небытие.

Повернувшись лицом к острову и прищулив левый глаз, как перед выстрелом, она оценила расстояние, разделяющее их, презрительно хмыкнула и приняла вызов обстоятельству - покорить эту дистанцию!

Знала, что хорошо плавала когда-то, ведь выросла у озера да и теперь была здорова и крепка. Ее вдруг начала распирать откуда-то взявшаяся девичья бесшабашность, прогретое многодневным знойным солнцем тело горело, желало прохлады воды. Эйфория, пришедшая на смену злобе, требовала разрядки. Бесовским глазом поглядывая на мужа, она склонилась снять резиновые сапоги, помолодевшим голосом спросила:

- За что, Вань?

- Сдохни, старая кляча! - злобу и ненависть источали его слова. Они, как плетью, подстегнули её тело, показавшееся ей молодым и гибким.

«Чепуха, мелочь, до берега совсем близко - делать нечего, доплыву», - успев снять один сапог, заверила себя мысленно Анна. Она хотела избавиться и от синего рабочего халата, который был надет от комаров на платье, но Иван крикнул, так качнув лодку, что Анна едва удержалась на сидении:

- Ну, быстро...

И Анна, вспомнив Бога, плюхнулась в воду, в чем была...

Всплыла отдуваясь. «Глубоко, дна не достала», - подумала она. Резиновый сапог сразу набрал воды, потянул грузом: «Надо скинуть, будет легко». Покрутила головой, лодка с Ванькой была уже далеко и показалась ей на фоне серебристой от солнца воды черной скорлупкой с парусом в виде выпрямленной фигуры мужа. Он не повернул назад, к ней.

«Плыть, Нюра! Плыть», - приказала она себе. Где-то далеко-далеко, за желтой и бугром выпиравшей перед ней воды, увидела зеленеющую полоску берега - тальник.

Барахтаясь, сняла сапог. Отдышалась, лежа на спине, вспомнила старый прием и удивилась, что не забыла его. Сбросила халат.

Страх перед водой не было. Смелую и решительную от природы, ее немногое в жизни пугало. И сейчас она не думала об опасности для себя. Ее мозг был занят другим, он источал, как всполохи, моменты поведения Ивана в недавнем прошлом, и они не давали ей ответ на немой вопрос: «Почему?».

Через некоторое время на смену этому состоянию тяжело, молотом, вместе с

толчками крови в голове бесконечно забились мысль: «Что придумал..., что придумал. Чего захотел, много захотел!».

Вместе с ненавистью, обидой за свою доверчивость приходило и зрело жуткое чувство - месть. Оно придавало Анне сил, заставляя все быстрее подгрести воду под себя. «Что придумал..., что придумал. Много захотел!».

Но через какое-то, как показалось, длительное время поняла, что вода становится все тяжелее, гуще и темнее, а берег - все еще далекие верхушки тальника. Все чаще ложилась на спину, отдыхала. Течение сносило по руслу. «Что придумал..., что придумал..., чего захотел!», - не покидало ее - сила набегала и затем растворялась в воде.

Вода тягучая и плотная, как ртуть, уже окутывала ее надежно, она не была равнодушным наблюдателем за неожиданной гостьей, какой оказалась Анна вначале. Вода, словно живая, будто была заинтересована в Анне, как в жертве, попавшей в ее чрево, и ждала только своего момента для принятия дара.

Анна тяжелела, она чувствовала усталость во всем теле, но не думала о смерти. Верила, что ее час еще не настал, что

он ещё далеко впереди, и надеялась на себя, силы еще были, на помощь, на чудо.

Но постепенно время и Амур делали свое дело: Анна уже не возмущалась, а мысли о мщении перемежались с взыванием о помощи к кому-то неведомому, но близко, кажется, находящемуся, в воде. Память услужливо подсказала когда-то услышанное имя нанайского духа воды - Подю, и Анна взмолилась: «Подя, не забирай меня! Я еще молодая, жить хочу!».

Потом она взывала вслух и к православному Богу: «Господи, помоги!». Неожиданно из воды выплыло лицо давно покойной матери, и дочь услышала ее горячие слова к Богородице. Кажется, мать и сейчас наставляла, учила ее молитве, недоученной Нюркой в детстве. И Анна повторяла за ней вслух - на какое-то время становилось легче тело. Лицо матери исчезло.

Затем вода стала прохладней, и Анна поняла, что попала на глубину, в поток, который её нес вдоль острова среди обломков деревьев, бугристых клоков сена и грязной соломы.

Вскоре она почувствовала, как гибкая волна холодным узким языком лизнула ее ухо, как бы пытаясь что-то нашептать ей. «Тише, тише, тише», - донесся до Анны ее

всплеск, и поняла она тайный смысл этих уговоров. «Не хочу! Замолчи!», - четко выговорила Анна, встряхнув головой, и хотела сильным движением вынести шею, плечи из воды, но волна заботливо и неотступно следила за ней, туманя сознание своей настойчивостью напоить.

Вскоре тупеющий слух Анны уловил какие-то новые звуки: плеск весел или проплывающего рядом бревна, она не смогла сразу определить точно. Сквозь заложенные как будто ватой уши она услышала возникшие мужские голоса, а угасающим сознанием поняла, что обращаются именно к ней:

- Тетка, а, тетка, откуда плывешь? Далеко ли собралась?

Анне только и хватило сил, что прохрипеть:

- Далеко..., - и судорожно ухватиться цепкой рукой в протянутое деревянное весло.

Окончательно она пришла в себя, когда лодка спасателей подходила к лодочной стоянке. Приподняв веки, увидела, что двое мужчин молча смотрят на нее. Одного из них Анна узнала сразу, это был известный всем жителям поселка браконьер и медвежатник, старожил Власов. Он поймал ее осмысленный взгляд и спросил:

- Кто это тебя так? И что с тобой не поделили или кого?

Она села на расстеленной парусине, прислоняясь к борту глубокой большой лодки, нехотя ответила:

- Сама, сама упала за борт. Так вот получилось...

- Ну, ладно, не хочешь - не говори. Тогда я тебе скажу: кто тебе «помог» в этом, должен быть наказан, обязательно наказан. Тебя ждала тяжелая смерть, не гоже так с бабой расправляться.

Анна молча покивала, соглашаясь с ним. Так же молча, вышла на берег.

Платье на ней высохло; она обула какие-то тапки, предложенные рыбаками, и пошла - вначале медленно поплелась, затем шаг ее ускорился - домой.

Солнце, уже краснея, кажется, за свои беспощадные проделки, стыдливо закатывалось в невысокие склоны на ночной покой.

Анна полностью пришла в себя, и, приняв жесткость факта, как не случайность, поняла, что Ванька всерьез хотел от нее избавиться. Бабье чутье и житейский опыт подсказывали, что Иван - всегда «ее», смолоду «свой», покладистый и готовый для семьи в огонь и в воду - задурил на стороне.

«Правильно говорит пословица: седина в бороду - бес в ребро. Приголубил кого-то Ванька, в «пожарке» и рядом - много одиноких да желающих. А он мужик еще справный, даже краше стал к старости, кудри седые развесил...», - думала Анна, горяча себе воображение. И в ответ приходила только одна мысль о расправе: дойти до дому, взять в руки наган и стрелять, стрелять, стрелять в ненавистные глаза.

«Там, дома, я смогу за себя постоять, никто не в силах мне помешать в этом, только бы взять наган». И она шла, накаляясь этим решением, шла, как на учениях, твердо уверенная в правильности выбранной мишени и знала - рука не дрогнет в последний миг.

Угрюмая, с бескровным и каменным лицом Анна ступила на свою улицу. По сторонам не смотрела, не хотела замечать или не замечала соседей, которые всегда в это время находились во дворах, отдыхая от изнурительного дня.

Но некоторые из них видели ее и наблюдали, как взлохмаченная Анна в старых больших тапках, с каким-то страшным выражением лица вошла на свое крыльцо. Она с силой дернула дверь, та не открылась. Поглядела в окно, прикрыв лицо козырьком

ладони, потом пошарила рукой где-то в завалинке, достала ключ. Широко распахнула дверь, вошла в дом, но потом, раздумав, вернулась и крепко затворила ее.

В коридоре она сбросила чужие тапки и, остановившись перед шкафом, увидела себя в зеркале.

- Да, это я! И я его убью, как взбесившегося кобеля, как беглого уголовника, - твердо, как клятву, произнесла она.

Достала револьвер, обрадовалась, ощутив холод и тяжесть оружия. Знала - заряжен, взвела курок и села с ним на табурет около стены, напротив входной двери. Все ее существо требовало только одного: «Убить этого змея!», других мыслей в голове не было.

8.

Выслушав необыкновенный рассказ Анны, соседи были поражены случившимся, особенно тем, как она просто бросилась в воду. На это Анна спокойно отвечала:

- Что же мне оставалось? Сказал: «Прыгай в воду. Убью». Другого выхода не было, думала - доплыву до берега. Я ведь раньше хорошо плавала, да и крепкая еще. Но вот попала в какой-то поток, если б не спасли,

вряд ли выплыла бы сама. Решила Ваньку убить, если выживу, с тем и шла домой. Да вот Бог отвел руку, не дал совершить грех. А как хотелось Ваньку прикончить! И наган был со мной. Как чувствовала, что пригодится он мне, не сдала его после дежурства. Да, вот как просто: нажала бы на курок и все - Ванькина башка так бы и треснула, - она помолчала. - А как теперь жить?

Анна все это произнесла как-то нехотя, односложно. Но затем, поняв, что разговор с этими людьми, был тем, единственным спасением от самой себя, не справляющейся самостоятельно с все еще бурлящей и пламенеющей внутри страстью и накипевшей обидой, она, уже легко находя слова, понемногу разговорила. И, как у человека после долгого молчания перед терпеливыми слушателями, ее речь потекла, как бы помимо ее воли, неторопливо и обстоятельно.

Больше всего ее сейчас мучил вопрос: «За что?». Ответа на него она не знала сама и соседи также.

- Прожили смолоду, и ничего плохого я от него не видела. А начинали жить по любви. Мы с ним познакомились на службе, - она помолчала, отхлебывая чай из второй, участливо предложенной, кружки. - Мне шел

тогда двадцать второй. Я дослуживала уже третий год - здесь недалеко, под Хурмулями, на ДСЗ... Есть такой посёлок по БАМу. Там научилась стрелять из разного оружия. У меня всегда был меткий глаз, как у отца-охотника, брал он меня еще девчонкой с собой в тайгу и на зверя, и на утку. В семье парней не родилось, а я была самая старшая - его надежда. Но, как и все у нас по мужской линии, он прожил недолго, только и успел, можно сказать, дать жизнь нам, четверем сестрам.

Родители Инны внимательно слушали рассказ соседки, с удивлением узнавая то, о чем принято говорить только среди очень близких и доверенных людей. Жизнь научила их молчать о многом, не обсуждая с посторонними. Но Анну не перебивали, понимая, что ей требуется простое человеческое участие, и она продолжала рассказывать. Неторопливо и доверительно.

В молодости Анна слыла настоящей деревенской красавицей: крутые бедра, крепкие ноги и высокая грудь, к тому же была работающей и нестроптивой - все вызывало в ней одобрение сельчан. Появился и жених - хороший парень, механизатор, серьезный и добрый, предложил пожениться. И хотя любви большой у Анны к нему не

было, она решила выйти за него. Но до свадьбы у них не дошло, вскоре парень погиб при ремонте трактора.

В свои восемнадцать Анна считалась уже «засидевшейся в девках», да и печальный опыт невесты - все это складывалось не в ее пользу. Помощи ждать было неоткуда, для семьи она была самостоятельным человеком, поэтому решила устраивать жизнь по своему усмотрению, надумала перебраться из родных мест и вскоре нашла работу там, где, по ее разумению, многое ей подходило. Таким объектом стала женская колония, расположенная неподалеку. Исполнительную, достаточно грамотную и подходящую по своим физическим данным, ее приняли на службу, где она вскоре уже была на хорошем счету...

- Через три года моей службы познакомилась с Иваном. Он пришел в восемнадцать по призыву, тогда уже война шла. Стояла осень холодная такая, ветер с дождем и снегом, а новеньких солдатиков в шинельках привезли, промокших, каких-то худых и совсем молоденьких. Смотрела в окно, когда шло построение, тогда и обратила на него внимание. Близким он мне показался, как бы знакомым давно, - Анна заговорила сочувственно, вспоминая молодость. - Ванька

был совсем закоченевший, но когда я проходила мимо их строя, так на меня зыркнул своими голубыми, что я сразу поняла: быть нам вместе.

Анна попросила у Анастасии платок, ее морозило. Закутавшись в шаль и помолчав, продолжила:

- Его сразу в охрану поставили. Это не самая плохая служба, но учили постоянно всему. В лагере большого шума никогда не было, так, не по крупному, тихо в основном. Эки политические, то есть по 58 статье, они не буйные, не то, что урки - головорезы, уголовники. Да к тому же бабы - взрослые женщины, да с головой все дружили. Поэтому Ваньке досталась только служба на вышках, стрельнул, может быть, два-три раза за все три года да кандалы иногда с мертвых снимал, - Анна посмотрела внимательно на соседей и перевела разговор на другую тему. - У нас с ним любовь началась сразу, он приходил ко мне в комнату, как к себе домой. А позже, когда я забеременела, мы с ним расписались. Но перед тем все расспрашивал меня про бывшего моего жениха, как мы с ним встречались и про все прочее тоже. Очень его это интересовало. Глупая была, рассказывала ему то, о чем молчать надо было. А я доверяла ему и жалела. Позже,

когда нашей Наде было уже два годика, Иван поранил руку, сильно искалечил палец. Вот тогда его и комиссовали. И мы перебрались в деревню к моей матери. Было голодно, еще шла война, а у матери было какое-никакое хозяйство: молоко и сало водились. И палец она Ваньке со временем выправила, он стал шевелиться и работать. И полюбила она его, как сына родного, даже больше, чем меня, - наконец-то улыбнулась Анна и замолчала.

Василий Петрович, чтобы как-то продолжить разговор, спросил:

- Так вы в городе тоже недавно живете?

- Да уже десять лет. Как только мы сюда приехали, Ванька сразу в «пожарку» устроился. А поселили нас тогда в щитовые домики там же, недалеко. Плохо было, но мы терпели, выбирать было не из чего. Вот уж года два мы как в поселке обосновались, нам нравится, я работаю на заводе, меня уважают. Все было хорошо, да вот видишь, что удумал. Как теперь быть, жить-то как? Ума не приложу.

Анна посмотрела в темноту за окном и засобиралась:

- Надо идти, вам покой дать да и самой немного отдохнуть: с утра на службу.

- Анна, ты уж не трогай Ивана, не бери грех на душу. А револьвер свой оставь у нас

до утра. Он не пропадет, перед работой заберешь. Так и тебе легче будет самой и нам спокойней, - убедительно проговорил на прощанье Василий Петрович.

Она отрешенно кивнула, все молча вышли на улицу.

Беспросветная и душная темнота сразу скрыла их. Тишина. На черном ковчеге неба беззвучно дышали вкрапления мелких звезд. Рядом был только сон.

Тихо простились. Родители Инны, некоторое время прислушиваясь, постояли на крыльце. Кроме закрываемой двери от соседей не донеслось ни звука.

Инна плохо спала в эту ночь. Она часто просыпалась от голосов на кухне, потом под них же засыпала. Беспокойное предчувствие, казалось, витало рядом, в комнате; из раскрытого окна до нее доносились ночные звуки засыпающей улицы, нежный шепот листьев тополя и смородины, воркующий мотив песен кузнечиков в траве - все это сливаясь и усиливаясь, тревожило и удлиняло ночь. Услышанное и прочувствованное за вечер, преображалось в потоки чьих-то неразборчивых слов, обращенных к ней; порождало видения беззвучных фантастических образов и искаженных мимикой знакомых лиц, быстро, как бы

дразня, проходящих перед ней. А она, бегло глядя, все торопила и торопила их, как будто искала среди них кого-то, ожидая увидеть только одно лицо, возможно, неизвестное и единственное. Но она не видела нужного ей и не ведала, кого ждала. «Психология переходного периода», - сказал голос строгой Ольги Григорьевны, преподавателя по биологии, заглушив все непонятные звуки и образы и вернув сон Инны в здоровое русло.

9.

Проснулась Инна поздно, не услышав раннего прихода соседки за своим оружием и сборов родителей на работу. Солнце уже занимало полнеба. Но почему-то тихо и безрадостно было вокруг, как и в душе Инны.

Она переделала массу домашних дел, пыталась читать, вести дневник, сходила в магазин, но настроение бодрости и оптимизма, которое было присуще ей, не появлялось. Уже после обеда начала поглядывать в окно, ожидая прихода мамы с работы. Наконец, она ее увидела.

Мама шла с тяжелой сумкой, нагруженной бумажными кулками с продуктами. Инна, радуясь, выбежала из дома встречать, но лицо матери было не весело.

- Сегодня на «перевалке» дают зарплату. Так что наш отец будет «хорошим», идет где-то за мной, задержался в магазине, покупал водку.

Инна вмиг ощутила подкатившийся холод к горлу, она знала, что стоит за словами мамы, и какие события их ожидают вечером. Сцены вечернего застолья, начинающиеся обычно праздничным приподнятым настроением и заканчивающиеся грубыми скандальными выяснениями отношений родителей, ее сон под утро... Все стало перед глазами незабываемым ночным кошмаром. Остаться дома желания не было.

Она решила сходить к подругам и сначала направилась к Кате.

Кати дома не оказалось. Ее мама, тетя Марфа, можно сказать, потеряла дочь с утра. Она недовольным голосом, по старушечьи поджимая губы, объявила Инне новость:

- У Катьки появился дружок, Витя... Да ты и сама об этом знаешь, не притворяйся. Уже несколько дней он ей проходу не дает и от дел отрывает, все куда-то уводит. То кино, то лодка - одни развлечения на уме, а то собирается в свой леспромхоз к матери Катьку везти. А она и рада, лишь бы побездельничать. Не знаю, что с ней делать... Иван, хоть и старший брат, а молчит, голову

ей на место не поставит. А ведь это он их познакомил. Вот и воюю с ней одна. Да еще все хозяйство на мне: корова, свиньи, куры, огород, - тетя Марфа еще продолжала что-то говорить, уже поворачиваясь к Инне спиной и направляясь в сарай, откуда раздавалось многоголосое хрюканье и доносился едкий запах скотного двора.

Инна не знала никакого Витьку и даже не слышала про него. «Что-то замудрила Катя. И ведь молчит, не рассказывает... Неужели влюбилась?», - думала она по дороге к Гале.

В Галиной квартире было тихо. Обычно уже на лестничной площадке второго этажа из-за их двери слышалась музыка, они с мамой были ужасные меломанки и скупали пластинки всех жанров, от классики до джаза. Музыка у них звучала всегда, будь они дома.

Инна ещё на лестнице поняла, что дома никого нет, и хотела повернуть назад, не доходя до квартиры. Но не успела она это сделать, как дверь квартиры тихо приоткрылась, и Галя с ключом в руках остановилась на пороге. Она не сразу увидела Инну, так была чем-то озабочена. Потом девочки обрадовано кинулись друг к другу и вместе вышли на улицу.

Галя торопилась. Она шла в больницу к маме, несла ей вещи, которые мама не успела

взять с собой. Галя огорченно рассказала Инне, что сегодня после обеда маму увезли с работы на скорой помощи, схватило сердце... А ночевать она пойдет к своей тете Вале.

Инна проводила ее до больницы и по пути рассказала о том, что у Кати появился друг. Галя совершенно не удивилась ее словам и сказала, что уже вчера встречала их вместе. Этим Витей оказался тот самый парень, которого они видели на водной станции.

- Ну, тот, в семейных трусах, помнишь, он плавал очень хорошо? - бесстрастно спрашивала Галя. И Инна его вспомнила.

- Так он ведь совсем взрослый, работает давно уже..., - ахнула она.

Потом девочки расстались, обремененные каждая своей заботой. Галя - здоровьем мамы, Инна - неприятностями, которые ее ждали дома.

Она не ошиблась, все события в их семье в дальнейшем развивались по отлаженному сценарию, известному ей, кажется, со дня рождения.

Дня через два у Инны с мамой произошел разговор, который и радостью, и болью отозвался в ее душе.

Было уже темно. Они сидели на кухне и, стараясь не звякнуть посудой, (сейчас было для них главным - не потревожить, не

разбудить наконец-то заснувшего отца) пили чай со смородиновым вареньем и шепотом разговаривали.

Хотелось спать, но Инна рада была посидеть рядом с мамой, даже в голову пришли стихотворные рифмы, жалость и обида за маму породили двенадцать строчек. Она прочитала их маме. Мама почему-то промолчала, а потом стала тихо рассказывать, каким хорошим человеком был ее отец до той старой травмы, которая чуть не закончилась его смертью. Оказывается, давно, перед самым рождением Инны, с отцом произошел несчастный случай, тогда он получил серьезное сотрясение головного мозга. И не лечился, не было времени, надо было работать, да и по молодости они не очень понимали, какими могут оказаться последствия.

- И уж так получается по жизни, что ему нельзя даже приближаться к спиртному. Совсем... А он себе позволяет и даже очень позволяет. Потом жалеет об этом, потому что пьяный - он становится почти нелюдем. И он знает - каким, - после некоторого молчания мама как-то несмело, почти виновато добавила, - а знаешь, доченька, что хочу тебе сказать? Ведь у нас скоро будет маленький - наверное, братишка тебе... Вот какие наши

дела.

Инна не проронила ни слова в ответ, только погладила ее руку.

10.

Прошло несколько дней.

Ничего не менялось в доме Инны. Но она сама где-то в глубине души интуитивно ощущала надвигающиеся перемены в своей жизни, она их ждала.

Неизменной оставалась и погода. Солнце нещадно палило с небес. Но праздновать ему оставалось недолго, шел август.

Все также тихо, как до разыгравшейся трагедии, жили соседи Ермоловы.

Кажется, они специально затаились в своем доме, чтобы переждать, когда все потеряют интерес к их семье. Никто не видел, когда они ходили на работу, на свой огород, в свой любимый сарай. Но знали, что их живое хозяйство было накормлено, а из дома через раскрытое окно кухни иногда распространялся запах зажаренного лука и слышался звон посуды.

Но как-то вечером, когда солнце наложило свой закатный розовый мазок на бархатисто-зеленые сопки, а Инна с мамой тихо сидели на крыльце, дверь у Ермоловых

отворилась, и Анна вышла на улицу. Она не торопясь оглядела свой участок и ближние дома, как бы прицениваясь, потом решительно, тяжелым шагом направилась к соседям.

Поздоровавшись, села рядом с Анастасией и негромко заговорила:

- Переезжаем мы, Настя, - голос ее звучал решительно, как о давно продуманном деле. И, не дожидаясь вопросов, продолжила, поживаясь. - Мы купили дом там, через дорогу. Может быть, сживемся, переживем... ну, это все. Получила письмо от Ольги из Хабаровска, беременна она, будет рожать. Хорошо хоть то, что муж какой-никакой есть, не отказался парень... Девка совсем с ума сошла... Деваться некуда... Где тонко, там и рвется, как говорится, так и у нас получается. Вот пришла тебе сказать - все не чужие. Хотела, чтоб вы от меня узнали, как есть на самом деле у нас. Что я тебе ещё скажу: узнавала про Ванькины загулы, говорят, что никого нет у него на стороне... Сведения верные. А твой, вижу, снова запил. Вот горе, прямо не знаешь, кто из них лучше, - уже тихо закончила Анна, уходя.

От калитки до них донеслось:

- Не поминайте лихом..., - и уже с тротуара: - Скоро дождь будет.

И снова Инна с мамой тихо сидели на крыльце.

Вскоре из дома до них донеслось пьяное бормотанье Василия Петровича, наступало его пробуждение.

11.

Ночь Инны, как она и ожидала, была бесконечно длинной, удалось уснуть только под утро, забыв о беспокойстве за маму.

Проснувшись поздно, она привычно вышла на крыльцо и удивилась перемене погоды. Холодное и ветреное утро заставило поежиться. «Как осенью», - подумала Инна.

Во второй половине дня начал накрапывать мелкий дождь, постепенно переходя в плотную «ретушь», серой оболочкой перекрывающей все краски лета. После длительного бушующего солнца день показался мрачным и, казалось, не предвещал никаких приятных событий.

Почти бездумно она собралась в магазин, почему-то самый дальний, хоть погода и не располагала к тому. Позже она понять не могла, чем можно было объяснить такое желание.

Упорно, не замечая дождя, она механически двигалась по грязной дороге к

поставленной цели. Дождь стекал с лица, Инна смахивала его ладонью.

Поняв, что промокает, она вошла обсохнуть в открытую дверь почты, оказавшуюся на ее пути. Окинув взглядом обложки журналов и названия газет, разложенных на прилавке, она купила «Тихоокеанскую звезду», которую посчитала свежей. «Отцу сейчас не до газет, давно не покупал. Может быть, хоть это его заинтересует», - подумала Инна и вышла на улицу.

Дождь ненадолго остановился, включив «зеленый свет» Инне. И она, воспользовавшись капризом природы, быстро сделала незначительные покупки в магазине, вскоре оказалась дома.

А затем, уютно устроившись на своей любимой тахте у окна, раскрыла газету и стала изучать заголовки. Конечно, отчета она себе в этом не отдавала совершенно. Если бы ее кто-нибудь сейчас спросил о том, когда она читала газету последний раз, сразу и ответить не смогла бы. Так, иногда листала после отца: школа требовала знаний последних событий.

Пробежав глазами по первой, второй, третьей полосе, она остановилась на последней странице. Здесь почему-то ее

внимание привлекла информация в извилистой рамочке, которую она прочитала полностью. Затем еще раз, оценивая и вникая. И тут же «загорелась» и приняла решение, поняв, что это выход из уже нестерпимого положения в доме, это было именно то, что она безотчетно ждала. Сейчас ее состояние можно было сравнить с безмерным чувством внезапного восторга усталого путника, увидевшего зрелый, хоть и кислый, фрукт на единственном дереве в горячей безводной пустыне. Инна сорвала и проглотила «его» вмиг.

В газете было объявление о наборе учащихся во вновь открываемый Хабаровский учетно-кредитный техникум... Всего две группы: «Бухгалтерский учет» и «Кредитные операции» на базе восьмилетней и средней школы... Общежитием обеспечиваются..., вступительные экзамены с двадцатого августа.

12.

Инна Васильевна помнила, как в последующие дни она недолго собиралась на учебу.

Как ни странно ей до сих пор, но родители очень спокойно отнеслись к ее

отъезду, а может, ей это показалось, но остаться в школе не требовали, наверное, она была очень самостоятельна и убедительна в своем выборе. Ей купили куртку, молодежную яркую сумку, она сама сшила модную пышную юбку, белую блузку, прошла медосмотр и сфотографировалась. Все. Отъезд поездом. И совсем взрослая.

Инна поступила в техникум, несмотря на большой конкурс. Затем пошла учеба и самостоятельная жизнь в мире взрослых соблазнов. Судьба ее хранила, вокруг нее была здоровая студенческая компания, включая и мужской контингент из находящегося рядом автодорожного института. Она уже тогда видела блестящие перспективы своего возможного семейного положения: она была красива и достаточно умна, а это был хорошее приданое. Все, казалось, шло хорошо, она часто ездила домой, к маме, считалась активисткой и отличницей в группе, у нее были друзья. Но некоторые обстоятельства не радовали ее. Все было просто до глупости: ей не нравилась по своей сути работа бухгалтера. Не привлекала ни в каких сферах, будь-то производство или госбанк, то есть там, где она уже прошла практику и пользовалась приобретенными знаниями. Конечно, это были чувства, но они

давали ей полную уверенность, что будущая профессия не для нее. Было грустно оттого, что она теряет время, занимаясь не тем, чем хотелось бы. Ей давно стало понятным, что нельзя посвящать себя работе, которая не удовлетворяет. И, хотя многие обстоятельства задерживали, она решила уйти из техникума до распределения, а оно было «не за горами».

Возвращаться домой было сложно: жить в той обстановке, из которой она ушла почти три года назад, казалось невыносимым. Тем более, что без нее семья пополнилась долгожданным сыном, совсем еще крохой, диктующим свой стиль жизни. Но в планах Инны было приобретение другой, более подходящей для нее, как она считала, профессии, для чего нужно окончить среднюю школу, что можно сделать, если очень захотеть, уже в этом году. Без аттестата зрелости невозможно поступить на юридический факультет, куда стремилась Инна.

И она вернулась домой, в школу, и в том же году, как и планировала, сдала вступительные экзамены и поступила в Дальневосточный университет.

Закончив его, с дипломом юриста вернулась в свой город, чтобы быть ближе к маме. Мама не могла переехать к ней и жить

в морском климате из-за развившейся у нее астмы. Отца уже не было в живых. Брат Юрик ходил во второй класс. Им нужна была помощь Инны, и она помогала. Работала Инна Васильевна на заводе сначала рядовым юристом, затем начальником юридического отдела, самозабвенно отдаваясь выбранному делу.

Инна Васильевна считает, что у нее хорошо сложилась жизнь, она имеет самое главное: любимую профессию, работу, хорошую семью, где мирно уживаются четыре поколения дорогих ее сердцу людей.

Внезапно ее воспоминания прервал едва уловимый, плещущийся откуда-то издалека, звук нежной и таинственной музыки, известной с детства. «Маленький цветок» - эту мелодию она впитала навсегда с ароматом солнечного лета, того первого «взрослого» лета, при прощании с подружкой Галей в ее доме.

Инна Васильевна оглядывается, готовая к самому невероятному. Но нет, время чудес миновало. Волшебная мелодия доносится из очень прозаичных и скромных, рядком расположенных вдоль дороги металлических гаражей. Было приятно, что кто-то еще, совершенно незнакомый, может наслаждаться этими звуками, так кстати возникшими здесь

и сейчас. «Для окончательного закрытия темы воспоминаний нужны еще и «Ландыши» - тоже из тех времен модная и любимая песенка Кати», - подумала Инна Васильевна.

«Катя - наша самая взрослая по своим устремлениям подруга... Короткая и грустная твоя история», - Инна Васильевна всегда вспоминала ее с тяжестью на сердце, не желая додумывать всю трагичность ее жизни до конца, и, зная правду только со слов других, никогда не узнавала у родственников подробностей. И так все было достаточно ясно для них с Галей, от которой она получила однажды письмо с леденящим сообщением вскоре после того решающего для них лета.

Это произошло еще на первом курсе учёбы в техникуме. Однажды зимой, когда до весны было уже близко, но рыхлые сугробы снега ещё ярко белели от новых снегопадов, пришло это известие. Из него следовало, что Кати нет в живых, погибла от рук мужа, с которым жила где-то за городом, в леспромхозе. Он ее приревновал и ударил в безумстве ножницами, до больницы подругу живой не довезли. Его звали Виктор.

После этого письма они с Галей долго молчали, писать о чем-либо было трудно.

Даже при дальнейших встречах девчонки всегда обходили стороной обсуждения Катиной жизни, случай потряс их жестокой правдой.

Зато сама Галя всем своим существованием радовала подругу. Именно её, всегда разумную и спокойную до невозмутимости, невзирая на обстоятельства, Инне очень не хватало в Хабаровске. «Мудрая, как старая слониха - предводительница рода, упрямая в достижении цели и здоровая, как молодая буйволица», - так они шутили в письмах и при встречах по поводу всегда ровной, сдержанной манеры поведения Гали при ее невысокой и основательно скроенной фигуре.

А сколько Гале досталось в жизни! Только такой «железный» характер спас от разрушения все ее планы и мечты, когда уже осенью, после отъезда Инны, она, похоронив маму, осталась в квартире одна. Ей, конечно, очень помогла тетя Валя, единственная родственница. С ней Галя получила среднее образование, а потом тетя оказалась единоклассницей с племянницей в выборе профессии, и Галя смогла окончить медицинский институт. Сейчас Галина Викторовна - хирург, говорят, первоклассный, с жестковатым волевым

характером, что соответствует лидеру, но при этом в руководство никогда не рвалась, хотя и было много заманчивых предложений, так и осталась работать в краевой больнице просто известным за пределами края ведущим специалистом.

Инна Васильевна, возвращаясь домой, шла на автобусную остановку, полная воспоминаний и чувств. Медленно двигаясь от «своих» тополей неузнаваемо высоких и ветвистых, увидела чудом сохранившееся старое разветвление, которое когда-то послужило детской смотровой площадкой для маленького Юрика. Улица была застроена гаражами, ничто не напоминало места старых построек и даже огородов, кроме тополей.

Ей навстречу шли люди, которые поселились и живут в конце «её» улицы в новых пятиэтажных домах. Они были не знакомы ей, также, как и она им. Не исключено, что она когда-то знала их родителей или родственников. Но какое-то неуловимое чувство братства именно сейчас их всех и Инну Васильевну объединяло. Необъяснимо как, но (и она это чувствовала) нечто обобщающее их витало в воздухе. Возможно, оно было в виде исходящих от каждого флюидов или сложившейся со временем общей ауры, присущей только

живущим здесь. Ведь признает же этот факт современная наука для разных общностей людей: для семьи, коллектива, города, страны, для Земли и для всей Вселенной. «Если это единит, что же тогда нас разъединяет? Возможно, существуют и античастицы, как в море добра есть зло?», - Инна Васильевна размышляла на эту тему всю дорогу со Старой площадки. Она была взволнована своей встречей с прошлым.

Сидя после ужина за чаем вдвоем с мамой, она заговорила с ней о нетерпимости и зле среди людей, о том чувстве единства, которое испытала, возвращаясь домой от старых тополей, о тех неприятных до боли превращениях, которые претерпели, прожив бок о бок всю жизнь, старики Ермоловы.

Мама - уже старенькая, но бодрая и держащая в памяти, кажется, все события прожитой жизни, оказалось, имела свое мнение о терпимости и зле. Она рассказала дочери, что тоже видела Анну, правда, было это лет пять назад, и они долго разговаривали.

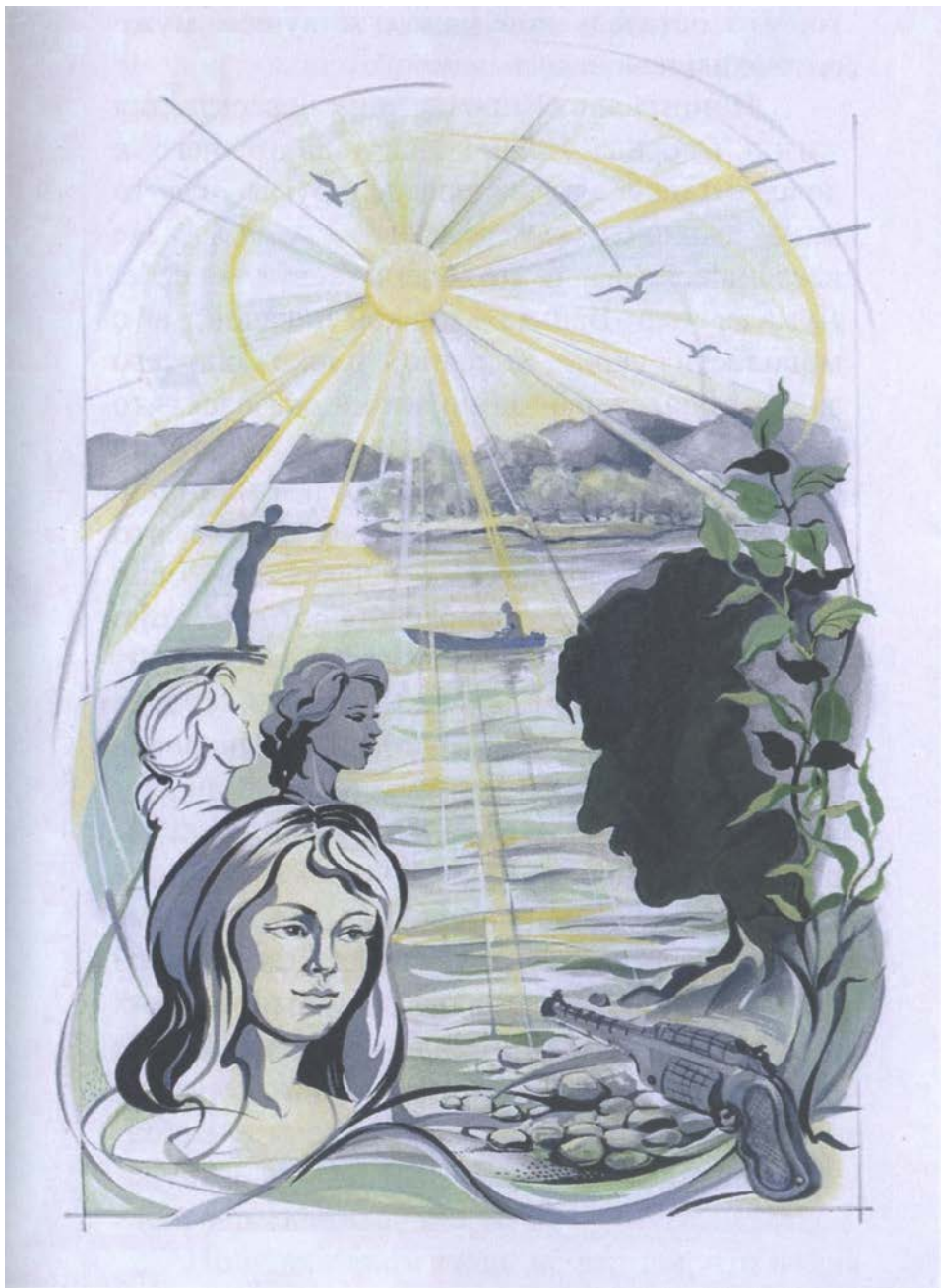
Тот поход за голубикой палящим летом стал последним для семьи Ермоловых. Они уже никогда вместе не ездили на лодке. Иван, правда, бывал на лодочной станции, его видели, как он чинил мотор, готовился к

рыбалке, но рыбу и ягоду домой не приносил. Анна же никогда больше не подходила к воде Амура.

Для них роковая поездка стала отправной точкой отсчета другой совместной жизни. Они продолжали жить вместе, но «топор войны» когда-то незримо вонзившийся в их общую «живую плоть» там, в лодке, навсегда оставил незаживающую рану в душе Анны и уже никогда не убирался. Время сгладило остроту её далеких обид и подозрений. Память только четко зафиксировала Амур с удаляющимся от неё на лодке Иваном, что было по её понятиям предательством без права прощения. А ещё иногда у неё ныла правая рука, желающая обнять своего верного друга - наган, с которым давно рассталась... Временами, пробуждая воспоминания, Анна мысленно «прокручивала» как ленту старого, местами засвеченного или снятого в ореоле солнечного света короткометражного фильма о себе, с предполагаемым дурным концом в водах Амура. Этого она себе никогда не желала и до сих пор была благодарна спасителям.

Примерно так она поведала Анастасии Ивановне при встрече свои мысли.

Анастасия Ивановна пожалела ее, но не за то, что Анна сильно изменилась внешне, а за

то, что осталась при рядом живущем муже одиноким человеком.

- Понимаешь, Инночка, она навсегда для жизни выбрала Ивана. Не ушла от него к дочерям: одна - в Хабаровске, другая - где-то на Сахалине, кажется, в Холмске. Не наездишься, да и не очень зовут к себе. Думала, что Ванька - какой-никакой, а с молодости свой. Конечно, плохо она его знала, ненадежный он по жизни оказался, что уж тут говорить... Когда он чуть не утопил её, и она оставила его в живых и в милицию не сдала, осталась с ним. Видно, думала, что все плохое забудется и срастется. Если осталась с ним, должна была простить. А оно так не получилось, не простила и не ушла, вот и нет покоя обоим. Какая трудная судьба досталась им! - Анастасия Ивановна помолчала, а потом задумчиво повторила, - Анна должна была простить Ивана, хотя бы ради своей души.

Мама говорила простые, обыденные слова, но в них было столько житейской мудрости и понятия человеческих отношений, что у Инны Васильевны не нашлось ни одного противоречивого слова.

2005-2010 г.г.

*Памяти моей мамы,
Прасковьи Григорьевны Фроловой,
посвящается.*

Юность закончилась внезапно

Воронеж, 1942 год.

Стояло жаркое лето.

Война, казалось, была где-то далеко и почти не коснулась этих мест. Но горожане знали, что немец наступал быстро. Он шел к Дону, к их родному городу.

И город готовился к встрече с врагом. Начались необходимые работы по эвакуации и уничтожению крупных предприятий и учреждений. Шла усиленная мобилизация бойцов на фронт. Медленно, но неуклонно заканчивалась спокойная мирная жизнь. Росло напряжение среди гражданского населения. Некоторые семьи покидали родные места, более практичные горожане скупали продукты, соль, мыло, спички, делая долговременные запасы.

Но в основном люди не верили, что война

будет долгой и что враг придет в город, наивно предполагая далекое расположение фронта, и говорили между собой: «Немец далеко..., немец еще далеко...».

В то же время по городу тихо полз слух о знамении, предвещавшем, как в древние времена, тяжелые народные испытания. Как будто, какой-то человек около села, среди полей, встретил странно одетую женщину. Она медленно шла по тропинке ему навстречу, печально было ее иконописное лицо и пророчески звучали слова, которые она произнесла затем. Женщина протянула к человеку крепко сжатые в кулаки руки и спросила его: «Ты знаешь, что у меня здесь?», - а когда услышала его отрицательный ответ, раскрыла правую руку. На ладони лежали крупные зерна зрелой золотой пшеницы. Человек удивился величине злаков - так они были велики. Тогда женщина разжала свой левый кулак. В руке была кровь, она все прибывала и прибывала, стекая с ладони на землю. Изумленный человек молча смотрел на женщину, а она сказала: «Так вот, скоро здесь будет богатый урожай зерна и будет большая битва». Он не успел ничего спросить, она обошла его и исчезла, как и не было ее. Только на земле остались капли оброненной с ее ладони крови.

Слух передавался от семьи к семье, и старые люди говорили, что это знамение предвещало длинную кровавую войну.

Все слушали фронтовые сводки, ждали весточек от своих отцов, братьев, соседей, защищающих их там, на полях сражений... В то же время город еще старался вести мирную жизнь, по заведенному ранее порядку. Взрослые, как обычно, каждый день отправлялись на работу и были заняты будничными делами, школьники, отдыхая на каникулах, ходили в кино, в цирк, гуляли в парках. Люди ели мороженое, смеялись, назначали свидания, влюблялись.

А беда была уже рядом. Скоро горожане увидели военный цвет ночного неба на западе - зарево от пожаров, но все еще считали, что немец далеко.... Но беда пришла раньше, чем предполагали, ночью, и все привычное рухнуло сразу.

На танцплощадке в Центральном парке культуры и отдыха гремел духовой оркестр, молодежь танцевала. Здесь не сразу был услышан гул немецких самолетов, разрушающих родные дома. Но среди первых в городе танцплощадка увидела стрелы

прожекторов, полосующих темень неба, и попавшую в их свет стаю вражеских бомбардировщиков под разрывами наших зениток.

И все смешалось в парке. Люди, подняв к небу лица, бросились к своим домам, к семьям, к родным и близким, ища защиты, спасения. Но чужая разрушительная сила не щадила ни возраста, ни заслуг, оставляя метки смерти от бомб на домах, улицах, садах, на всем живом...

Паша выбежала в толпе испуганной молодежи через главные ворота парка. Ее дом был недалеко: на улице Кирова, через площадь Обкома, второй от угла, во дворе. Она бежала вдоль трамвайной линии, не разбирая дороги, желая только одного - быстрее попасть домой. Белокурые, тщательно уложенные накануне, волосы растрепались, рассыпались на пряди, красивое лицо было залито слезами. А город уже горел. Отсветы пожаров колыхали небо зловещими всполохами.

Наконец, девушка увидела свой дом, двор, куда стекались соседи, родственники, еще не привыкшие скрываться в бомбоубежищах. Паша кинулась к матери, отцу, сестрам, братьям - все были здесь, все радовались, что живы.

В эту ночь немец больше не появлялся, но прилетел на следующую ночь и последующие за ней. Теперь он бомбил город в одно и то же время, осуществляя свой смертоносный план с немецкой пунктуальностью. Уже казалось, что эти налёты были бесконечны. Жители защищали свои дома, дежурили на крышах: научились тушить пожары и обезвреживать зажигательные бомбы.

С ними дежурила и Паша.

Некоторое время спустя, город стали заполнять отступающие части Красной Армии, двигаясь глубже в тыл, на восток. Пройдя через мост, войска дислоцировались по населенным пунктам на левом берегу реки Воронеж, и южнее - на западном берегу Дона.

Сюда же шло днем и ночью и гражданское население из занятых немцами западных земель, а затем, смешиваясь с городскими беженцами, растекалось по дорогам левобережья. Люди, потерявшие все: дом, документы, вещи, а часто и родных, шли группами и поодиночке. Не имея никаких запасов денег и провианта, они вынужденно покидали свои места, спешно оставляя их. Многоводные реки - сначала Воронеж, затем

Дон - казались спасительной преградой от врага.

Также бегом, едва успев захватить из дома во время очередной бомбежки единственную свою ценность - туфельки - подарок отца на шестнадцатилетие, Паша в толпе испуганных людей спешила из города, в сторону Чернавского моста. Вся ее большая семья распалась, потеряв друг друга в этом страшном хаосе отступления. Знали только одно: встретиться нужно на хуторе Коммунар (50 км от Воронежа, где сейчас находится Нововоронежская АЭС), у живущих там родственников.

Вражеские артиллерийские обстрелы и бомбежки до неузнаваемости изменили известные Паше с детства районы города. Они горели все новыми пожарами. Завалы кирпича, осколки стекла, недогоревшие и брошенные крупные и мелкие вещи заполняли улицы и тротуары. Иногда дорога прерывалась, и тогда беженцам приходилось пробираться по одному, ступая по обломкам зданий и растянувшись скорбной цепью. Оригинальный «Утюжок» - архитектурное украшение города, был разрушен прямым попаданием в центр здания, и сейчас остов знаменитого универмага могуче возвышался над местом взрыва, напоминая о своей былой

величине.

Еще не осознавая беды до конца, душой Паша почувствовала неотвратимые изменения всей своей жизни и жизни близких и незнакомых ей людей. Но думать об этом было не время - беззащитность перед гибелью окружающего её привычного мира сковывала все мысли, оставляя одно единственное желание: «Быстрее, быстрее уйти из этого ужаса...»

Но так думали не все. Паша замечала, что на старых и новых пожарищах появлялись фигуры, они безбоязненно двигались по разрушениям, осматривая найденные вещи и собирая их в узлы и мешки. Вот двое мужчин тащат, надрываясь, старинный рояль. Мародеры. «Кому - война, кому - мать родна», - пришла ей на ум когда-то услышанная от отца пословица.

Перед мостом людской поток расширился, вливая в сплошную массу иногородних все новые группы городских обездоленных, которые стекались «ручейками» из разных частей большого города и неминуемо попадали к месту переправы через реку. Попала в это общее движение и Паша. Ей повезло, она довольно быстро преодолела людской водоворот, едва не смявший ее в начале моста.

И вот, наконец, под ногами мост! Паша в числе других оказалась в плотной колонне беженцев, держащих путь так же, как она, на спасительный левый берег Дона.

Справа и слева от нее молча шли люди, неся сумки или узлы с пожиткам. Многие из них вели и держали на руках маленьких детей. Паша вглядывалась в их лица, пытаясь найти родных, друзей, однокурсников, и не находила. Рядом были незнакомые, озабоченные одной целью люди - быстрее уйти от опасности.

Вскоре мост закончился, и город остался позади. Широкая дорога пошла по посёлку авиастроителей, увлекая вереницы беженцев за собой в сельскую местность. Ещё некоторое время Паше были видны высокие крыши заводских корпусов, но и они также исчезли из вида, уступив место зелёным холмам и низинам.

Было заметно, что людской поток постепенно редет, растворяясь в путанице тропинок к левобережным хуторам и деревням. Увеличилось количество военных и гражданских машин.

Паша, уставая, старалась держаться около двух женщин, видимо, сестер, которые заботливо отнеслись к ней, одиноко шагающей в толпе. Вскоре им, пропуская

автомашины, пришлось сбиться на обочину дороги и двигаться по пыльному густому бурьяну, обдирая до крови ноги.

Кажется, что силы совершенно покидали Пашу, когда женщинам удалось остановить попутную грузовую машину, куда они с трудом втиснулись втроем, и от этого были рады безмерно. На ней и доехала Паша до дальнего хутора, утонувшего в лесах и песках Придонья. Все трое сердечно распрощались, и женщины двинулись дальше, до станции Колодезная. Больше Паша с ними никогда не встречалась, но помнила всю жизнь.

Маленький деревянный домик тети Жени шумел многими голосами: родные наконец-то встретились в пока безопасном месте. Здесь только не было двух младших сестричек Паши - пятнадцатилетней Аси и четырнадцатилетней Раечки.

Никто не знал, что с ними будет дальше. Сейчас же хотелось только спать, казалось, что, лишь выспавшись, можно будет осознать масштабы происходящего.

Хутор находился на низменном берегу Дона, и был совсем небольшой, в десяток домов, вольно расположившихся, по

усмотрению хозяев на открытом месте. В центре, на зеленой лужайке, поросшей мелкой бархатистой травой украшенной голубеющей мятой, находился колодезь-журавль, питающийся родником. Его длинная жердь была видна издали, как опознавательный знак.

Следующее утро встало солнечным и ясным, обещая жаркий день. Такая погода в мирное время обрадовала бы горожан, приезжавших сюда отдыхать. Но сейчас здесь все воспринималось по-другому, как менялся и весь сельский уклад жизни: по реке, включая берег, проходила фронтовая полоса противостояния. На хуторян потянуло незнакомым им запахом армейской каши. Местность наполнилась новыми звуками. Стало известно, что ниже по течению реки ночью разместилась наша воинская часть.

Вдруг, внезапно для всех, раздался взрыв артиллерийского снаряда, затем другой. Стреляли с другого берега Дона... Всему населению хутора стало ясно, что Правобережье уже оккупировано немцами и, возможно, уже и город тоже был в их руках.

Но город еще не сдался, как узнали позже, за него шла кровопролитная борьба, в которой участвовал средний брат Паши, Василий, только что добровольцем ушедший

на фронт.

Немцы вели прицельный огонь по колодцу, не давая никому набрать воды. Через некоторое время на плохом русском через громкоговорители из-за реки зазвучало: «Рус, Иван, сдавайся!». Потом раздались русские песни и снова: «Рус, Иван, сдавайся!». Так продолжалось весь день. Ночью с немецкой стороны запускались осветительные ракеты, которые, зависая над водой реки и отражаясь в ней, усиливали эффект освещенности. Было светло, как днем. Кто-то из сельчан попытался пробраться с ведром к колодцу и был убит осколком разорвавшегося снаряда.

Немец пристрелялся, и больше никто не выходил на поляну, а воду стали набирать из дальних родников в лесу за хутором.

Так прошло несколько дней неопределенного ожидания. Обстановка не менялась.

Начались тихие, морозящие дожди.

В доме тети Жени было тесно, чаще лежали, кто где пристроится. Неизвестность тягостно отражалась на каждом. Выходили на улицу осторожно и только по необходимости, создавая видимость необитаемого дома со стороны реки. Говорили мало.

Неожиданно в сумерках третьего дня в

проеме открытой двери дома возникла фигура пригнувшегося солдата. Как оказалось, он пришел к Паше познакомиться, каким-то образом узнав о ее местонахождении.

Этот молоденький светловолосый, недавно призванный по мобилизации в действующую часть солдатик, устроившись на полу, оказался разговорчивым. Он выложил все последние новости, которые знал. Необычно для этих мест «окая», рассказал, что его воинская часть, которая расположилась ниже хутора, готовится дать отпор немцам, и для этого завтра сюда подтянется артиллерия. И, поглядывая на Пашу, произнес: «А ведь немцы не останутся в долгу. Весь хутор они хорошо просматривают и разнесут все ваши дома в щепки... Завтра вас придут переписывать наши, так надо - фронтовая полоса». Он собрался уходить и со словами прощания, сунув Паше в руку бумажку, попросил: «Напиши мне письмо, здесь номер части». И исчез в лесу.

Его приход поразил и встревожил всех. Немного обсудив то, что поняли, решили спасать молодую и красивую Пашу, а для этого, прежде всего, ее необходимо было спрятать. Прятать, кроме леса, было негде.

Поздней ночью, когда немцы освещали

своими ракетами всю окрестность, мама Паши, собрав узелок с вареной картошкой и огурцом, вывела дочь в лес, подальше от дома. Они нашли ствол поваленного дерева, и Паша присела, накрывшись маминой кофтой и зонтиком. Мама должна была уйти, и Паша осталась одна. На рассвете к ней прибежал десятилетний брат Миша, принес хлеб, сказал, что мама куда-то ушла, и убежал.

Дождь нудно сеял, в лесу все набухло от влаги. Зонт уже почти не спасал, и Паша вся промокла. К полудню пришла мама. Она сказала, что Паше надо быстро уходить с хутора: готовится к отходу последний эшелон с оборудованием авиационного завода, надо попробовать в него попасть.

Паша переделалась в старую бабушкину одежду, мама измазала ее лицо сажей, повязала голову по-старушечьи выцветшим платком, превращая в дурнушку, и они стали пробираться в сторону завода.

Мама быстро вела дочь какими-то перелесками, огородами, и, минуя дорогу, часа через два непрерывного бега они оказались на окраине поселка авиастроителей. Мама двигалась, чуть сбавив

шаг, в нужном направлении, своим поведением добавляя дочери уверенности и сил. Вскоре они подошли к заводу, где формировался железнодорожный состав.

Длинный хвост готового к отправке товарняка торчал из ворот, не войдя на заводскую территорию, вокруг суетились люди. Тревога витала в воздухе, все спешили. Состав должен был отправиться с минуты на минуту.

Мама подошла с Пашей к пожилому солдату у последнего вагона и попросила его взять в вагон свою больную старшую сестру. Солдат искоса взглянул на них и отрицательно помотал головой. Она ещё некоторое время находила какие-то слова убеждения, потом достала из-за пазухи завернутые в носовой платочек деньги и протянула ему. Он без раздумий взял их и кивнул Паше. Мама сквозь слезы быстро прощалась с дочерью, и, оторвав ее от себя, вложила ей в руки узелок - что-то на первый случай из еды и адресом своей двоюродной сестры. Паша с трудом протиснулась в слегка приоткрытую для нее дверь вагона, в его темную и теплую, пахнущую скотом, внутренность.

Поезд, как бы дождавшись этого, тронулся с места и пошел медленно, тяжело.

Его путь лежал в Куйбышев, куда и направлялось технологическое оборудование для организации предприятия по производству самолетов для фронта. Это был последний железнодорожный состав из Воронежа. Как только он прошел мост, красноармейцами были уничтожены сначала недавно действующие корпуса авиационного завода, а затем и сам мост. Стратегические объекты не должны были достаться врагу.

Поезд шел почти без остановок. Паша, как мышка, тихо сидела в вагоне. Рядом мирно жевали с одной стороны коровы, с другой хрустели, привязанные к стойлам, лошади. Завод, эвакуируясь, спасал не только свое основное производство, но и вспомогательное, увозя в безопасное место поголовье ценного племенного стада.

Неизвестно, о чем думала Паша и что испытала там, в последнем заводском товарняке. Возможно, она плакала. Ведь так тяжело в ее возрасте, лишившись поддержки родителей, своего дома и привычных друзей, без документов, личных вещей, остаться одной, сразу став взрослой. Наверное, вспоминала свой строительный техникум, и даже ненавистная ей раньше геодезия сейчас казалась интересной и нужной наукой, вспомнился, наверное, и ее непростой

коллектив «Ансамбля народных инструментов», где Паша играла на домре и гитаре. Видно, за эту дорогу она мысленно прощалась со своими друзьями, с техникумом, со своей тайной мечтой стать актрисой, певицей - ведь она обладала музыкальным слухом и голосом - природными данными, которые ей передались от мамы. И, конечно, она боялась. Но, несмотря на это, Паша четко поняла, что ей обязательно надо выжить.

И она выжила. Мама снова, второй раз, подарила ей жизнь.

Они больше никогда не виделись. Только одно письмо, которое было отправлено после освобождения Воронежа, Паша получила от мамы. Мама вскоре умерла от простуд и невзгод, полученных в войну. Она писала, что их дом в Воронеже полностью разрушен в бомбежке и что они с отцом останутся жить в селе, так легче «поставить на ноги» Мишу. Сообщала семейные новости: грустную, что недавно получили похоронку на Ваню, погибшего смертью храбрых на Волге; много хороших: что пришло письмо от Васи, о котором ничего не знали, как оказалось, он сейчас в госпитале по ранению в руку,

нашлась Раечка. Не успев уйти с беженцами, она находилась в городе, а затем была угнана в числе других женщин и молодежи в Германию, но чудом спаслась. Ей очень повезло, что поезд, в котором немцы везли живой груз, захватили, прорвавшие фронт части Красной Армии. Оказалось, что Вася был участником этого освобождения. Брат с сестрой встретились у состава, и он не узнал ее, когда она подбежала... Мама написала и об Асе, пропавшей в оккупации и затем по воле судьбы очутившейся на далеком Сахалине. Недавно к ним пришло ее письмо.

Паша огорчалась и радовалась полученным новостям, понимая главное, что её большая и дружная семья, трагически распавшаяся в войну, снова обрела родительский дом, правда, уже не в центре города, а на хуторе у Дона, где теперь обосновались родители.

Паша была счастлива, что нашлись ее близкие и родные люди, ведь она уже почти не надеялась отыскать их живыми. Она быстро ответила на письмо мамы и описала свою сложившуюся в тылу жизнь. Как ей почти сразу удалось устроиться на работу (в этом помогла ее тетя), она смогла приобрести специальность бухгалтера, а совсем недавно вышла замуж за любимого человека.

Лидия Смирнова

Сообщала, что он родом из Орла, работает по брони на авиационном заводе, у него, кроме матери, никого не осталось в живых, и что Паша с ним счастлива.

Мама получила это письмо, порадовалась за дочь, но уже никогда не узнала, что после войны у нее появилась внучка. Жизнь продолжилась.

2010 год

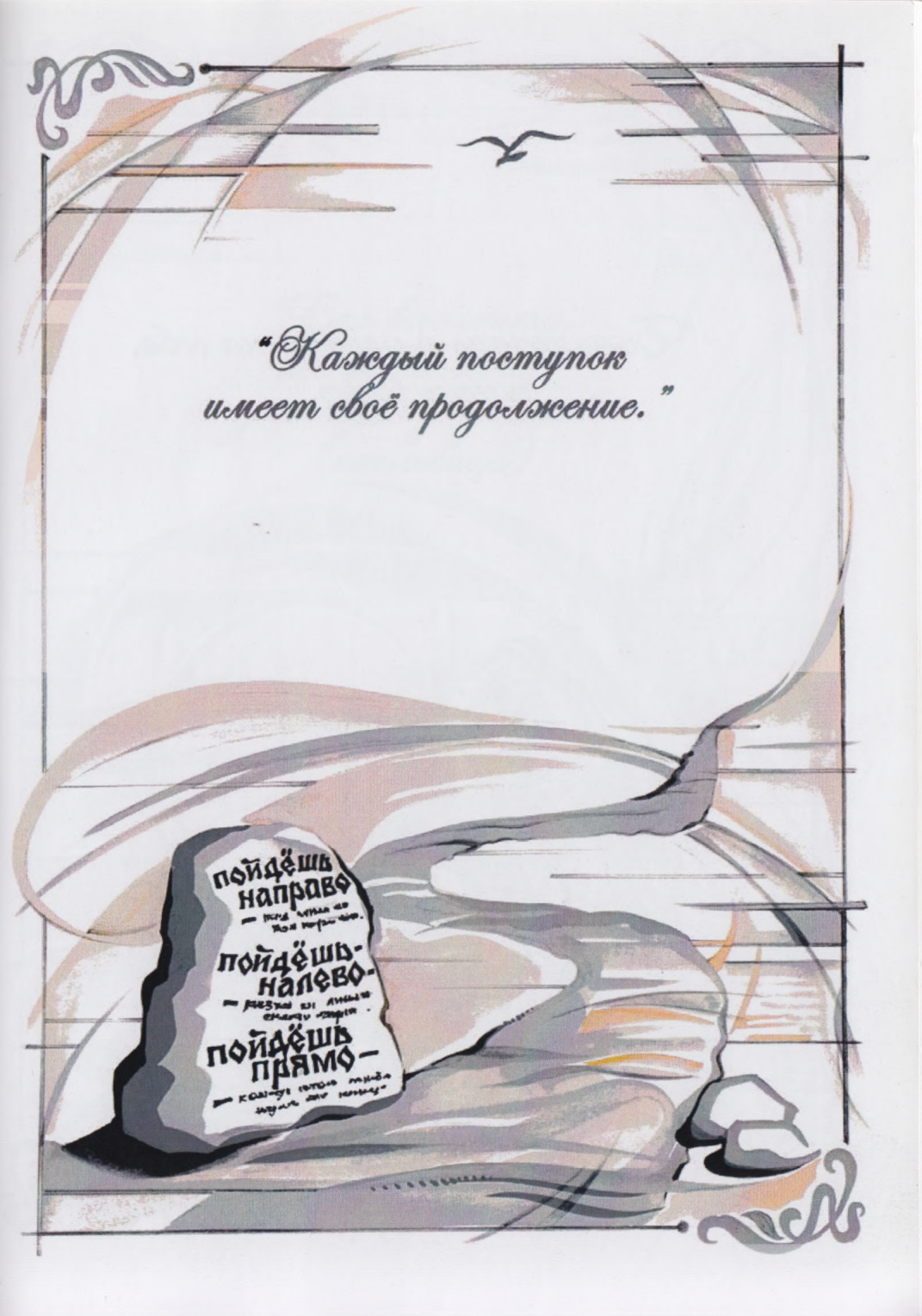
Мой ПРЕЗЕНТ

Некоторые жизненные
ориентиры

“Не играй чужие роли.”

*“Каждый поступок
имеет своё продолжение.”*

**пойдѣшь
направо**

— куда тебе до
той горы-то.

**пойдѣшь
налево**

— куда же ты
идёшь туда.

**пойдѣшь
прямо**

— куда-то туда-то
идёшь ты прямо.

*“Если хочешь плюнуть на себя,
плюнь вверх.”*

*“Ешь вполсыта,
пей вполпьяна -
доживёшь до полна.”
(пословица)*

*“Что может быть сильнее
преданного сердца.”*

*(“Снежная королева”,
Г.-В. Андерсен)*

*"Если хочешь рассмешить Бога,
расскажи ему о своих планах."*

*“Светильники нужно беречь:
порыв ветра
их может погасить”*

(“Маленький принц”, С. Экзюпери)

*“Господи, дай силу в пути,
помилуй и прости”*

(молитва)

*“Веди себя так,
что ты уже счастлив,
и будешь счастлив всегда.”*

(Д. Карнеги)

Послесловие

Благодарю за творческое участие в
подготовке Сборника к печати члена
правления Комсомольской-на-Амуре
Общественной Писательской
Организации им. Г.Н. Хлебникова
Ионову Валентину Петровну.

Благодарю всех моих родных, друзей и
знакомых за одобрение, поддержку,
которую они оказали мне в процессе
издания Сборника. Среди них моя особая
благодарность Граниту Федоровичу
Пересторонину, Елене Владимировне
Черданцевой, Николаю Ивановичу
Багринцеву, Любове Фёдоровне
Малышевой, Ирине Николаевне
Бычковой.

Лидия Смирнова

Содержание:

Трудно ли быть счастливой. *Рассказ*

3

Долгие линии любви. *Повесть*

11

Вкус лимона. *Рассказ*

42

На черной полосе. *Рассказ*

69

Помеченные солнцем. *Рассказ*

71

Юность закончилась внезапно.

Документально-художественная повесть

143

Мой презент. *Приложение*

161

Послесловие

171

Содержание

172

Литературно-художественное издание

Смирнова Лидия Сергеевна
ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА
ЖИЗНЬ ГРУСТНА

Редактор: И. Устюжанина
Технический редактор: И. Кормин
Дизайн обложки: автор
Фото автора: В.П. Смирнов
Иллюстрации художника Е. Черданцевой

Отпечатано в типографии ООО ПКП «Жук» 681000,
Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Мира, 42, оф. 1,
тел. 54-40-41. ИНН/КПП 2703005616/270301001.
Заказ № 1240 от 25.11.10 г.
Тираж 100 экз. стр. 173

Лидия Смирнова

Профессиональный социолог,
член правления Комсомольской-
на-Амуре Общественной
Писательской Организации им.
Г. Н.Хлебникова, автор
многолетних публикаций в
периодической печати
нескольких городов нашей
страны.

Лидия представляет свою
первую книгу, в которую вошли
рассказы, повести,
объединённые, темой
размышления над непростыми
ситуациями, возникающими в
жизни героев и проблемными
выходами из них.

Книжные персонажи имеют
свои прототипы, но автор
оставил за собой право
обобщений и придания
художественной «выпуклости»
образов.

